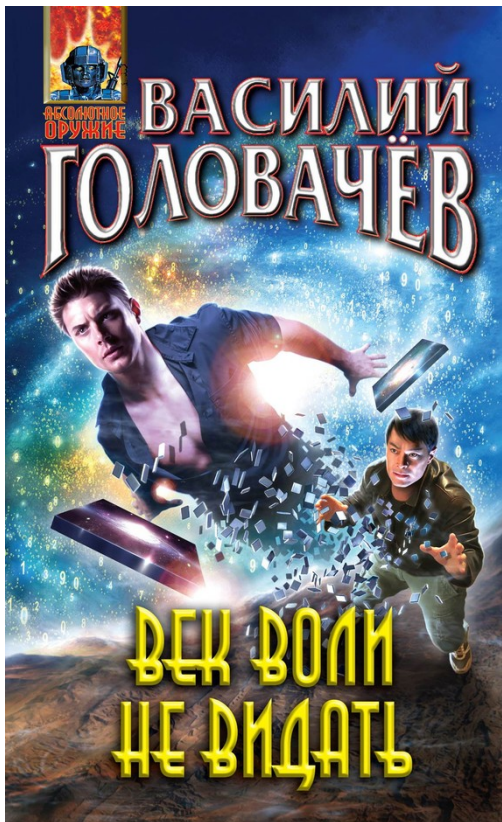

Василий Васильевич Головачев
Век воли не видать
Серия «Вне себя», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706388
Головачев В. В. Век воли не видать : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71821-4

Аннотация

Можно ли пройти через смерть и вернуться? Преодолев Навь, возвратиться в Явь и остаться прежним?..

Проход Смирнов, численавт и хранитель тайных знаний о Вселенной, не побоялся сделать шаг за черту. Потому что был уверен – это только начало новой дороги к себе и к будущему. Однако хватит ли сил на этот путь, не знает ни он, ни его друзья и соратники, которые стали теперь главной мишенью атаки Владык Темных Бездн, решивших во что бы то ни стало проникнуть в Первомир и раз и навсегда изменить законы Бытия...

Содержание

Глава 1	5
Всё начинается с нуля	5
Царство туманов	9
Сорок четвёртый	23
Крепкий орешек	27
И снова «старые клячи»	36
Светлый ум блондинки	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Головачев

Век воли не видать

*В уме своём я создал мир иной
И образов иных существование,
Я цепью их связал между собой...*

М.Ю. Лермонтов

*Ах, право, дьяволу бы заложила душу, чтобы только узнать, жив
он или нет?*

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Рана другому есть боль для вас.
Будда, V век до н.э.

*Мы, следовательно, должны быть готовыми и к тому, что наше
настоящее понимание Вселенной может оказаться неправильным...*
Рудольф Альбрехт, учёный-физик

© Головачев В. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1 По оси «Ч»

Всё начинается с нуля

С метафизической точки зрения ноль не является числом и не относится к миру чисел. Он – источник всех чисел, содержащий в себе числа как *потенциальную* возможность *части* отделиться от *целого*.

Метафизический ноль символизирует Абсолют, соединяющий в себе Дух и Материю. Такой ноль представляет всеобъемлющий круг с бесконечным радиусом, круг, «центр которого везде, а окружность нигде». Во взаимодействии с другими числами он либо увеличивает число на порядок, либо растворяет число до полного растворения в себе.

Ноль есть Тайна из Тайн, символ непроявленного мира, источник всех числовых ассоциаций, всех последующих проявлений форм и движений, синтез бесконечного пространства и вечного времени.

Ноль, в конце концов, символизирует смерть как состояние, в котором жизненные силы претерпевают трансформацию.

Следствием этих трансцендентных символов является непроявленность ноль-формы, потенция, Великий Хаос и он же Великая Гармония, то, что древние философы понимали под словом «Навь». Как утверждал великий русский философ Николай Бердяев – это *ungrund* – безосновность, к которой не применимы категории Добра и Зла, бытия и небытия.

И, наконец, ноль олицетворяет собой Мир Начал без Форм, хаос – как океан творческих потенций и строительный материал Творений. При этом ноль-форма – это не пустота, не вакуум, не отсутствие «всякого присутствия», это равновесие, врата перехода меж проявленным и непроявленным, хотя и в нём, как оказалось, спонтанно возникают и сохраняются какое-то исчезающе малое время некие структуры, виртуальные острова, воспринимаемые попадающими туда душами как «миры ада» или «мирырая» со своими специфическими псевдозаконами и движением.

Прохор-11 безмерно удивился, когда он с «прицепом» душ Прохора-2, Усти и Юстины вывалился на твёрдую – по ощущениям – поверхность такого острова.

Но прежде он пережил настоящую бурю эмоций, когда Прохор-первый запустил их «пси-ладью» с помощью Оси Прави в «числомир нуля», добавив на прощание:

«Делайте то, что делали всегда, переходя из мира в мир, но сначала найдите в себе веру в достижимость цели».

Сияние снизошло на них с Оси Прави, сияние тысяч людей, собравшихся проводить формонавтов через смерть к жизни, обняло четвёрку душ, и перед ними распахнулась небывалая *ночь*...

Раньше Прохор опасался, что информпакет под названием ПСС или «психосоматическая система», которую люди именовали индивидуальным сознанием-переживанием, а также личностью и душой, без плоти ничего чувствовать не сможет, а тем более не сможет видеть окружающее, разговаривать и вообще мыслить. Но он ошибался. Память хранила всю информацию об организме, и поэтому поступающие извне сигналы, полевые всплески, электромагнитные импульсы и «шевеления» пространства попадали внутрь пси-сферы и пропускались через «виртуальные структуры» ощущений так, будто он при переходе между числомирами имел тело.

Первое время, переходя из головы одного «родича» по трансперсональной линии в голову другого, Прохор судорожно искал замену рукам и ногам, глазам и рту, пока не научился пересекать мембраны перехода, как человек пересекает границу между полем и лесом.

Однако, нырнув в Нуль-мир, он оказался в пространстве, которое не смог бы описать словами. Оно представляло собой сочетание несочетаемого, композицию противоположных качеств, кипящее *нечто*, невообразимо сложное и потому почти не улавливаемое сознанием.

Прыжок в Нуль-мир (о русской Нави мысли пришли позже) окунул «кластер душ» формонавтов в «сияющую тьму», сменившуюся через мгновение полным мраком. Затем ощущения стали меняться с калейдоскопической быстротой.

Послышался свист ветра...

Мимо понеслись слои искрящегося тумана...

Повеяло *странным* холодом, от которого начали замерзать виртуальные руки-ноги, нос-уши, затрещали волосы...

Холод сменился усиливающейся жарой, «кожа на теле» стала трескаться, дымиться, гореть...

Вскрикнула Устя... или Юстина... не разберёшь...

Прохор-второй начал «ворочаться», и одиннадцатому, взявшему на себя обязанности «водителя», пришлось прикрикнуть:

«Держитесь за меня крепче! Сосредоточьтесь на поисках выхода!»

«Назад?» – понял его по-своему Прохор-второй.

«Назад дороги нет! Только вперёд! Вспомните, о чём предупреждал Прохор-первый: мы живы, пока мы вместе и нацелены выжить! Отколовшийся растворится в Нуле!»

«Мы помним», – донесли ответы друг.

«Кластер душ» сжался теснее, продолжая лететь с бешеной скоростью сквозь небывалое, непостижимое *пространство хаоса*, воспринимаемое как невероятной глубины бездна, заполненное тем, что невозможно ни представить, ни выразить словесно, нестись, как снаряд сквозь дождливую ненастную ночь...

Время «полёта» не ощущалось вовсе, ощущалось только странное *движение* – без каких-либо ориентиров, хотя воображение иногда пыталось пристегнуть к этому состоянию свои оценки и человеческие переживания.

Пронеслись над слоистыми *облаками* неизвестно чего... Пронзили гору света и долго скользили сквозь сетчатый тоннель с убегаящими в бесконечность стенами...

Потом мимо помчались вереницы чёрных крестов на призрачно светящемся холмистом поле – ни дать ни взять старинное кладбище...

Кресты сменились шипастыми обелисками, те в свою очередь – зарослями гигантского репейника, образовавшего некую колючую структуру, сквозь которую с неслышимым треском и гулом летела «ладья танатонавтов»...

Все эти видения являлись результатом включившегося воображения, возбуждённой психики, усиленно работающей фантазии, и Прохор это понимал, но всё равно с любопытством осматривался и ждал появления новых псевдоструктур, называемых академиком Бурлюком квазиустойчивыми нематериальными резонансами.

«Ладья душ» формонавтов с ходу влетела в мятущиеся языки пламени, способные сжечь целую планету!

Снова тихо вскрикнула (мысленно, конечно) Устя, тут же прошептав:

«Простите... это не от страха...»

Прохор мысленно погладил её пальцами по щеке: это означало, что он всецело разделяет чувства девушки. Он сам был на грани вербального выражения чувств, и ближе всего к его внутренней оценке «полёта-падения» были слова: охренеть можно!..

Промелькнули некие гигантские водопады, на миг родилось ощущение синевы небес, и снова мимо понеслись слоистые дымы, хвосты жемчужно сверкающей пыли и неясные «облачные» громады.

Пришло ощущение усталости.

Казалось бы, они только что «нырнули в Нуль», да и уставать было нечему: никто из них не выполнял никакой физической работы, – однако тот колоссальный запас энергии, переполнявший их до прыжка, куда-то улетучился, и двигались они, сохраняя траекторию погружения (или думали, что сохраняют), только благодаря инерции да напряжению воли.

Вокруг ничего не менялось, «ладья» продолжала лететь сквозь невообразимое не-пространство-не-время, всё так же неслись навстречу струи виртуального тумана и огня, неясные образы прожитого и вспыхивающие на миг чудовищные видения, сквозь полнейший не-мрак и ослепительный не-свет, но мчатся куда-то вслепую хотелось всё меньше, а жить в родном теле – всё больше.

Впрочем, те же чувства владели и остальными «пассажирами ладьи», никогда ранее не переживавшими ничего подобного.

«Мы поднимаемся или падаем?» – неожиданно заговорила молчавшая до этого Юстина.

«Ни то, ни другое, – отозвался Прохор-2. – Мы умираем».

«Я серьёзно».

«И я серьёзно».

«Мы можем вернуться?»

«Нет! – теперь уже ответил Прохор-11. – Братец, конечно, пошутил, но в его шутке очень большая доля правды. Наше погружение и в самом деле представляет собой процесс умирания. Ну или, если хотите, процесс растворения психосоматических структур в Нуль-мире... в Нави».

«Чем это может закончиться?»

«Ясно чем, – угрюмо бросил Прохор-2, – похоронами».

«Прекрати! – оборвал его Прохор-11. – Нам необходимо думать о выходе, а не о похоронах».

«Ты веришь, что это поможет?»

«Верю! Не мути воду! Не хватало только твоих пессимистических речей и сомнений».

«Мальчики, не ссорьтесь», – мягко попросила Устя.

«Мы не ссоримся, – миролюбиво ответил Прохор-2. – Просто не вижу, куда мы падаем. К тому же девчонки устали, предлагаю отдохнуть».

«Говорите за себя», – сухо посоветовала Юстина.

«Я о вас подумал...»

«Интересно, где вы собрались отдохнуть?» – в мыслеголосе Юстины прозвучала ирония.

«Может, что-нибудь подвернётся».

«Это мир хаоса, здесь не может быть никаких реальных объектов».

«Откуда ты знаешь?»

«Прохор же сказал... первый...»

«Он был здесь?»

Юстина замолчала.

«Я думаю, мы можем поискать...» – начал Прохор-11, ещё не до конца уверенный в ценности пришедшей на ум идеи.

«Что?» – хором спросили «пассажиры».

«В крайнем случае создать... платформу... квазиустойчивого резонанса... ДД говорил об этом».

«Он тоже путешествовал через смерть?» – съехидничал Прохор-второй.

«Ты хотел отдохнуть?»

«Ну, я думал... найдём...»

«Не найдём, здесь ничего материального нет, нужно создавать, вот и давайте создавать совместными усилиями».

«Это как?»

«Надо представить некий объём... камеру, к примеру, бункер, комнату...»

«Лучше ресторан».

«Это хорошо, что ты шутишь, но ресторан нам ни к чему».

«А мы... не умрём?!» – почти неслышно спросила Устя.

«Пока мы едины, мы живы».

«Что нужно делать?» – требовательно заговорила Юстина.

«Вот это правильный подход, майор, – серьёзно ответил Прохор-11, знающий характер своей подруги. – Во-первых, продолжаем искать путь в Бездны, как советовал первый. Во-вторых, представляем, что хотим сделать остановку...»

Внезапно он почувствовал, что сознание ускользает, начинает плыть и двоиться. Это напоминало состояние человека, у которого закружилась голова.

«Оп!» – вырвалось у Прохора-2.

Спутницы «поёжились».

«Холодно...» – прошептала Устя.

«Концентрируйтесь на поисках убежища! – отреагировал на шевеление «пассажиров» Прохор-11, понимая, что им страшно. – Действительно, нужен какой-то надёжный фундамент... крепость... остров, в конце концов! Неважно что! Напрягитесь!»

Тьма вокруг сгустилась, перестали появляться белёсые саваны чудовищных привидений, вереницы несущихся на бесплотных конях призраков.

Прохор с трудом удержался на грани беспамятства, лёгкие потребовали воздуха, будто он и в самом деле задыхался, силы убывали с катастрофической быстротой.

«Сжались теснее!»

Впереди или внизу, не разберёшь, протаяло светлое синеватое колечко, кинулось навстречу, расплзлось во все стороны, и пикирующую в Бездну «ладью душ» формонавтов пронзила невероятная небесная синева...

Царство туманов

Какой-то необычный звук комариным зудением потревожил сознание... повторился, уже слышанный не однажды...

Саблин прислушался, находясь на зыбкой грани сна и яви, попытался отстроиться от царапающего слух звука, выплыл в реальность. Рука нащупала мобильный айком: это звонил его будильник. Семь часов утра, пора вставать.

Он оторвал голову от подушки, глянул на окно спальни.

Из окошка сочилась стылая мгlistая серость. По утрам здесь чаще всего так, солнце появляется редко, что летом, что зимой.

Ергаки. Край густых туманов, низкой облачности и частых дождей. Срединная часть Западного Саяна, долина между хребтами альпийского типа с характерными для них зазубренными пиками и пилообразным горизонтом. Горы труднодоступны, скальные останцы на перевалах напоминают растопыренные пальцы, некоторые из них явно искусственного происхождения, Саблин уже познакомился с ними во время изучения местности.

С одной стороны, Ергаки – рай для путешественников, предлагающий им прекрасные озёра, чистые речки, богатую сибирскую тайгу, луга и гранитные пики. С другой – добираться в этот край тяжело, поэтому путешествие по Ергакам – удел молодых, сильных, выносливых и не боящихся экстремальных условий быта.

Если бы не бывший полковник ГРУ Волков, посоветовавший Саблину скрыться в Ергаках, где у него были друзья, сам Данияр вряд ли рискнул бы сюда отправиться, имея на руках «тела» Прохора и Усти. Но он согласился и не прогадал. Волков выполнил обещание помочь, дал машину – старенький, но качественный фургончик «Рено», и Саблин с Валерией и двумя сопровождавшими его парнями, принимавшими участие в операции по освобождению Прохора, за трое суток доехали из Вологды до Абакана, а затем и до посёлка Мечта-2, выросшего на берегу озера Горных Духов из каменной избы, построенной энтузиастами ещё в далёком тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году. С тех пор прошло полсотни лет, и рядом с каменным навесом выросли два десятка домиков, принадлежащих турагентству «Тайгиш». Один из домиков, вполне современный, тёплый, со всеми удобствами, и достался Саблину с его «полуживым грузом». Владелец посёлка Кучугуров оказался давним приятелем полковника Волкова, поэтому проблем с арендой домика не возникло.

Ни Прохор, ни Устя, а точнее – их «души», не возвращались из похода в Первомир, и за телами обоим приходилось ухаживать как за телами находящихся в коме людей.

Но прежде по совету Дмитрия Дмитриевича Бурлюка Саблин и его помощники «похоронили» Прохора – с музыкой и шествием по улицам Вологды, с торжественным погребением на северном кладбище города, с некрологом в областной газете. Хоронили, конечно, куклу, зато если в Вологде и остались эмиссары Владык, они должны были остаться уверенными в том, что главный формонавт второго числомира Прохор Шатаев умер.

Устю «хоронить» таким же манером не стали, её в Вологде почти никто не знал, и вторые ложные похороны были бы уже лишними.

По совету всё того же ДД перевезли в Ергаки и сломавшуюся меркабу – шедевр инженерно-математического творения эмиссаров Владык, привлёкших к этой работе видных учёных России, инженеров и компьютерщиков. Как сказал Бурлюк:

– Она может нам пригодиться в будущем, не зря её строили операторы Владык, создавали специальную программу. Кстати, эту программу надо хорошенько изучить. Найдите специалиста.

Саблин искал такого специалиста недолго, хотя хороших математиков и программистов в Вологде было мало. Но помог тот же Волков, круг знакомых которого оказался весьма

обширным. Программист нашёлся на заводе «Нанодеталь», изготавливавшем кристаллические матрицы для военной техники. И Саблин, заручившись поддержкой бывшего разведчика ГРУ, отдал все найденные на даче мэра диски с программами для меркабы.

Саму же меркабу или формотрон, легко преодолевавший мембраны между числомирами-превалитетами, доставили в посёлок Мечта-2 вслед за Саблиным бывшие охранники Прохора Валентин Чемерис и Костя Долгих, согласившиеся на переезд в Ергаки. Саблин предложил им крупную сумму, чтобы они остались в посёлке и дальше выполнять прежние функции, но ребята оказались понятливые, совестливые, не рвачи и после всех событий, после того, как узнали, в какую войну они ввязались, дали обещание дойти с Саблиным до конца и от дополнительных денег отказались.

– Мы своих не бросаем, – сказал Валя Чемерис, голубоглазый крепыш, бывший десантник. – А зарплату оставьте прежнюю, нам хватает.

Саблина осталось только с чувством пожать ему руку.

Жена Данияра Валерия согласилась на переезд безоговорочно, несмотря на все стрессы, полученные ею в период похищения и содержания в камере вместе с Устиньей, женой Прохора. Это был уже не первый форс-мажор в её жизни, первый случился, как она сама шутила, когда Саблин предложил ей руку и сердце после многолетних встреч и гражданского брака, а второй – когда из-за грянувшего кризиса пришлось бежать из Суздаля в Вологду. Но она не роптала, доверяя мужу всецело, и вошла в ситуацию с числопутешествиями спокойно, разделяя взгляды мужа, принимая его друзей как своих. Она даже начала учиться путешествовать «по мозгам» своих «родственников», образующих трансперсональную линию, живших в других числомирах Вселенной. Она же взяла на себя и обязанность по уходу за телом Усти.

Процесс смены образа жизни прошёл буднично и просто.

Практически весь путь до Ергаков преодолели без каких-либо эксцессов, не считая происшествий в Абакане.

Заехали на заправку, чтобы пополнить запасы бензина, стали в очередь: было утро, народ спешил в город на работу и по разным делам, поэтому у лукойловской заправки всего на четыре колонки выстроилось полтора десятка автомобилей. Однако не всех устраивало ожидание, нашлись крутые парни на чёрном «БМВ Х-6», которые считали ниже собственного достоинства выстаивать очереди.

Взревев мотором, кроссовер попытался втиснуться между колонкой и старым «Хёндаем» с барнаульскими номерами. Водитель «Хёндая», пожилой, с залысинами, на этот маневр не поддался, подъехал к колонке и вышел из машины, чтобы воткнуть в горловину бака заправочный пистолет.

Это возмутило компанию в кроссвере настолько, что они выскочили из кабины с битами в руках и набросились на водителя «Хёндая» и на его авто, круша стёкла и капот.

Первый порыв у Саблина был – выскочить из фургона и набить морды трём отморозам. Однако спустя мгновение на ум пришла хорошая идея, и он вылез из машины, сжимая в кармане куртки эргион.

Первый импульс формотранса превратил биты в руках толстопузого молодчика в кожаной куртке нараспашку в дубинку, напоминавшую ножку стула. Последующие – в длинный шест и в пучок прутьев, напоминавший веник.

Та же самая участь постигла и биты в руках спутников толстопузого. Они замерли, в тупом изумлении вытаращив глаза на свои «веники».

– Бляха-муха! – сипло провозгласил толстопузый. – Чой-то с ней?

Водители, выбравшиеся из кабин на помощь пострадавшему владельцу «Хёндая», подошли ближе, держа в руке кто монтировку, кто отвёртку.

Саблин порадовался такой поддержке старика, при отсутствии полиции люди часто начинали сами восстанавливать поправленную справедливость.

Послышались смешки, угрожающие голоса:

– А ну пошли отсюда, уроды!

– Освободите дорогу!

– Сейчас полицию вызовем!

Мордовороты побросали «веники», отступили к джипу, опасливо оглядывая толпу, «БМВ» сдал назад, разворачиваясь.

Саблин не удержался и, когда кроссовер отъехал, изменил форму одного из задних колёс, сделал его квадратным.

Раздался скрежет, «БМВ» на снегу занесло, и он задом чуть не снёс стойку навеса над заправкой.

Толпа водителей встретила это событие одобрительным гулом, не зная причин случившегося. Но разбираться с компанией никто не рискнул, да и очередь на заправку требовала побыстрее заканчивать процесс. Когда водитель «Рено» заправился и фургон миновал съезжающих у «БМВ» пассажиров, Саблин переглянулся с Валерией, сидевшей на заднем сиденье, возле тел Прохора и Усти.

– Что ты с ними сделал? – нахмурилась она.

– Озадачил, – усмехнулся он. – Теперь им придётся менять колесо и долго разбираться, отчего оно стало квадратным.

– А если Охотники узнают об этом?

Саблин согнал с губ улыбку, поглядел в окошко заднего вида на удалявшуюся заправку.

– Это я не подумал. С другой стороны, откуда здесь возьмутся Охотники?

– После неудачи с меркабой они землю рыть будут... чтобы найти тех, кто им помешал.

– Согласен, не стоило светиться такими вещами. Но и драться с этими мерзавцами не хотелось, подумал, что формотранс – идеальный способ остановить кретинов. Не сердись, Лер.

– Я не сержусь, – вздохнула жена. – Вы, мужчины, такие все самоуверенные.

– Это правда, – согласился Саблин, подмигнув водителю.

Свернув после Абакана с федеральной трассы М-54, называемой Усинским трактом, на дорогу в глубь горного массива, переехали Термазаковский мост, перекусили в недавно восстановленном кафе «Буйба» (сам посёлок умер лет пятнадцать назад естественной смертью), и дальше «Рено» запрыгал по ухабам просёлочной дороги, отчего скорость движения пришлось убавить. Поэтому до места назначения ехали почти весь день. Но доехали без приключений.

Зарегистрировались бесплатно в визит-центре, как того требовали правила посещения природного парка «Ергаки», миновали турбазы «Тушканчик» и «Спящий Саян», оставили слева озеро Художников, справа – скалу Параболу, видимую с дороги, и остановились на берегу озера Горных Духов, где и был сооружён предпринимателем Кучугуровым посёлок Мечта-2.

Тела Прохора и Усти перенесли в домик, состоящий из трёх комнат и крохотной кухни, уже поздно ночью. Умылись с дороги и рухнули спать, уставшие до изнеможения.

Отдыхали двое суток, устраиваясь и осматриваясь, познакомились с администратором посёлка Узуном Маадыровым, тувинцем по происхождению, дождались приезда Валентина и Кости, которые доставили меркабу. И начали обживать, не ведая, сколько времени придётся провести в этом королевстве гор и озер, держа связь с «родичами» из одиннадцатого числомира, где складывалась похожая ситуация: Прохор-11 и его подруга Юстина *отсутствовали* – при наличии физических тел, лишённых сознания.

В соседней комнате что-то стукнуло.

Саблин очнулся от воспоминаний, встал, приоткрыл дверь.

Лера, поправлявшая одеяло на кровати «спящей» Усти, оглянулась.

– Разбудила?

– Нет, сам встал, хотел пораньше...

– Зарядку сделать?

– Да, – кивнул он, хотя думал о другом. – Те, кто делает по утрам зарядку, умирают гораздо реже.

Лера, полненькая блондинка с ямочками на щеках, фыркнула.

– Потому что их гораздо меньше.

Саблин засмеялся.

– Хорошо, что ты не говоришь: от зарядки конидохнут.

– А кто так говорит?

– Угадай.

Она мило наморщила лоб.

– Проша?

– Точно! – Данияр снова засмеялся, подхватил на руки жену, одетую в домашний халатик, покружил по комнате, поставил на пол; он хорошо чувствовал, когда она расстроена или готова рассердиться. – А ты чего рано встала? Могла бы ещё понежиться в тёплой постели.

– Показалось...

– Что они вернулись?

Валерия смущённо кивнула.

– Неужели они не вернуться?

– Вернутся, – сказал он как можно уверенней, хотя на самом деле уверенности в скором возвращении друзей не ощущал. Если бы это было возможно, они бы уже дали о себе знать. – Ты первая или я?

Имелось в виду – кто первый начнёт ухаживать за «телами».

– Давай ты, Устя пусть поспит.

Саблин хмыкнул, взвешивая слово «поспит» в отношении состояния девушки, но спорить не стал. Не одеваясь, принёс эргион, к которому привык как к органу собственного тела, сел в кресло у кровати Прохора, расслабился и легко, почти без усилий перенёсся в тело математика, словно в своё собственное.

Ощущение было подобно прыжку в тёмную пещеру и выпрыгиванию из воды в воздух с толстым слоем воды на теле. Затем «вода» стекла куда-то к кончикам пальцев рук и ног, и он начал видеть глазами Прохора и слышать его ушами.

Поначалу этот процесс давался нелегко и был не слишком приятен, полон маленьких неловкостей, из которых состоял процесс примерки чужого тела как нового костюма: «жало» под мышками, шея «распухала», чесались руки и ноги, в животе что-то булькало, голова казалась тесной, как шапка на размер меньше. Однако после десятка вселений в тело Прохора (идея вхождения в тела формонавтов принадлежала другу ДД Таглибу, предвидевшему все неудобства ухаживания за телами формонавтов) он привык к смене ощущений и чувствовал себя в теле друга нормально.

Валерия училась вселяться в тело Усти дольше, у неё не было практики Данияра, но после того, как трудности формоперехода остались позади, отпала надобность в мучительном и сложном ухаживании за телами друзей. Они – тела – оживали и всё делали сами – под управлением «душ» Саблина и Леры: умывались, ели, пили и брились (что касалось Прохора). Просто надо было вовремя успевать справлять физиологические потребности и делать входы-выходы так, чтобы никто об этом не догадывался.

Туристы, да и администрация посёлка, даже представить не могли, что у них поселилась пара «лунатиков», оживающих только в определённые моменты.

Они и в Ергаки переезжали таким же образом.

Саблин переселился в тело Прохора, взял его под контроль, самостоятельно спустился в машину, затем вернулся в своё тело и тоже спустился во двор, к фургону.

Затем пришла очередь Валерии. Формонавтом она была ещё неопытным, часто пугалась неудач, однако после двух попыток вселиться в тело Усти справилась с волнением, и всё прошло гладко.

Точно так же они ухаживали за телами друзей и в Ергаках, стараясь вести себя тише воды ниже травы. Пока удавалось. Переехали в посёлок Мечта-2 они в конце декабря, когда в здешних местах стояли приличные холода и толщина снега достигала местами трёх метров, поэтому туристов было мало, практически – их компания: Данияр, Валерия, Костя и Валентин. Зима прошла без гостей, да и дождливая и холодная весна тоже. Потеплело только в середине июня, да и то всего до плюс десяти градусов днём, ночью подмораживало.

Потом сошёл снег, и наступило лето, почти скрытое туманами, и появление солнышка, освещавшего великолепные пейзажи долин между горами, стало праздником.

Однако с тёплыми днями пришли и комары, что несколько уменьшило романтический флер, окружавший местную природу. До этого настроение переселенцев падало только один раз, когда они увидели множество мусорных куч практически на всех стоянках туристов и по берегам озёр и ручьёв. К счастью, мусорные «полигоны» создатели посёлка и турбаз на берегах озёр Художников и Горных Духов убрали, поэтому прогуливаться по тропинкам вокруг них стало приятно.

Саблин-Прохор открыл глаза, глянул на сидящего в кресле с закрытыми глазами себя самого, потянулся, разминая затёкшие члены, глотнул водички.

Прохор был шире в плечах и массивнее, но самое плохое, что его мышечная система была далека от идеальной, и Саблин, занимавшийся спортом каждый день, чувствовал себя в теле математика скованно.

Прислушался к ощущениям и направился в хозблок, бросив на ходу подвернувшейся Валерии:

– Не подглядывай.

Лера фыркнула в ответ, привыкнув к репликам мужа, арендовавшего в каком-то смысле тело Прохора.

Утренние процедуры прошли под знаком сонливости. Саблин действительно не выспался, а Прохор, вернее, его организм, потерял тонус от длительного пребывания в «коме» и активными делами заниматься не хотел. Пришлось его слегка пришпорить, сначала с помощью физзарядки, а потом прогулки вокруг домика, стоявшего на самом краю посёлка, ближе всех к горному склону.

Несмотря на утреннюю серость и сырость, двадцать второго июня погода в окрестностях озера Горных Духов выдалась тёплая и солнечная, почти как в средних широтах России, где-нибудь под Смоленском. Облака и космы тумана разошлись, воздух сделался прозрачным, как вакуум между Луной и Землёй, и постоянно прибывающие туристы потянулись к берегу озера либо направились к тропам, ведущим в горы и на перевалы.

В посёлке селились в основном любители экстремального отдыха, альпинисты же предпочитали разбивать отдельные лагеря или селились в базовых лагерях у озера Светлое. Останавливались они и в первой Мечте, расположенной на берегу озера Художников, которую подреставрировали и расширили, хотя от хижины, давшей начало посёлку, не осталось ничего, кроме каменных стен.

Саблин никогда не занимался альпинизмом, но в течение полугода с момента переезда изучил все местные достопримечательности и теперь знал, что подобраться к посёлку незаметно очень сложно. С одной стороны, почти каждый день на турбазу прибывали новые туристы, с другой – их действия можно было легко отследить. Настоящие туристы редко

оставались в посёлке, сразу направляясь по маршрутам в горы или к другим озёрам. Если Охотники когда-нибудь и отыщут беглецов с меркабой, Саблин надеялся вычислить их первым. А скрыться из посёлка в неизвестном направлении было нетрудно, маршрутов, по которым туристы и альпинисты уходили в горы, насчитывалось более двух десятков.

Нельзя сказать, что Саблин, в детстве – житель степей, позже горожанин, полюбил этот край, изобилующий озёрами, ледниками, речками и ручьями, но места здесь действительно были замечательные, дух захватывало, когда солнечные лучи высвечивали причудливые скалы и горные пики, получившие удивительные названия: Птица, Звёздный, Зуб Дракона, Парабола, Динозавр, Слоники – и так далее. Иногда Саблин даже жалел, что он не альпинист, столько крутых скал и зеркал – отвесных стен было кругом, а однажды, увидев монолитную гранитную стену в центральной части хребта, он мимолётно подумал, что Устя могла бы показать класс скайдайвингера, прыгнув с этого утёса.

Впрочем, таких уступов было много, а скала Парабола, образованная двумя острыми пиками и седловиной в форме идеальной параболы, и в самом деле напоминала искусственное сооружение, о чём туристам с придыханием сообщали местные жители.

Погуляв вокруг домика несколько минут, Саблин вернул тело Прохора на место и занялся уже своим телом, требующим не меньшего ухода. Побегал, отжался сто раз, присел столько же, умылся, позавтракал сам, вместе с Лерой, потом покормил Прохора (войдя в его мозг) и помог жене покормить Устю.

Когда они начинали ухаживать за телами друзей, возникла проблема их кормления, но выход нашёлся, когда ДД посоветовал ему вселяться в Прохора и командовать его телом как своим. Труднее дело обстояло с Валерией, прежде не то что не имевшей понятия, как можно изменять форму предметов усилием мысли-воли, но даже ни разу не побывавшей в иных числомирах.

На все процедуры ушло почти два часа времени. Можно было потренироваться с Костей и Валентином, занимавшими соседний домик и охранявшими разобранную меркабу, поучить молодых ребят *настоящему* рукопашному бою либо прогуляться к озёрам, оценить обстановку, но Саблин выбрал иную необходимость. Каждый день он занимался с Лерой форматрансом, учил её ходить по числомирам, и это уже начало приносить плоды. Валерия чувствовала себя всё уверенней, становясь настоящим формонавтом.

Устроиться на работу на турбазах она могла, так как там нуждались в специалистах МЧС, но Саблин уговорил жену этого не делать. После продажи доли спортклуба «Чемпион» в Суздале деньги у него имелись, поэтому заботиться о пропитании нужды не было.

Оставив Костю и Валентина присматривать за домом и «спящими» формонавтами, семейная пара оделась по погоде: лёгкие курточки, джинсы, кроссовки, очки от солнца, – вооружилась эргионами и баллончиками со спреем от комаров и мошек и отправилась в обход озера Горных Духов, получившего название из-за бродячих туманных струй, нередко принимавших причудливые очертания.

В детстве Саблин читал рассказы Ивана Ефремова, в том числе и рассказ «Озеро Горных Духов», но писатель и учёный описывал совсем другое озеро, из дна которого вырывались струи сероводорода и углекислого газа, воздействующие на людей. Ергакское озеро Горных Духов было красивее и безопаснее.

Ручей, соединявший озёра, остался позади, тропа повернула в горы, к Параболе, широкая и утоптанная. По ней прошли уже тысячи туристов, и сбиться с пути невозможно было даже ночью.

Но Саблин и Лера не стали заходить далеко, свернули налево, к небольшому ущелью, прорезавшему горы чуть ли не до пика Зеркальный. Сюда туристы не заглядывали, стены ущелья закрывали обзор для фотографов, поэтому заниматься форматрансом можно было, не опасаясь посторонних глаз.

Что такое формотранс, полное название – формотрансформация, Лера узнала только полгода назад, когда её вместе с Устей, женой Прохора, захватили Охотники, надеясь таким образом заставить его выполнить замысел Владык, который пытался реализовать их эмиссар, вселившийся в тело мэра Вологды. Лишь ценой невероятных усилий Саблина, его сподвижников, самого Прохора и его «родича» Прохора-одиннадцатого, проживающего в одиннадцатом числомире, удалось отбить атаку агентов Владык, освободить женщин и завладеть меркабой. Но если Валерии удалось вернуться буквально с того света, то души Прохоров и их жён, Усти и Юстины, так и остались в Первом мире, покинув свои реальности и физические тела. А Саблин – здешний, второй, и его «братец» Саблин-11 не знали, как их вернуть обратно, из числомира-1, куда нырнули формонавты, пытаясь нейтрализовать импульс меркабы, с помощью которой неведомые до сих пор Владыки через своих агентов хотели изменить *матрицу* Мироздания с целью стать не только Владыками Бездн, но и Повелителями всей Числовселенной.

Пока же Саблин упорно тренировался сам и тренировал Валерию ходить по числомирам и целенаправленно изменять форму предметов с помощью эргиона – инфобиотона, как его назвал создатель – Дмитрий Дмитриевич Бурлюк из одиннадцатого числомира. Эргион представлял собой информационно-энергетический модуль числоперехода, способствующий гармонизации всех видов полевых структур, электромагнитных и торсионных полей с биополем человека, что позволяло ему не только входить в изменённое состояние сознания, но и переходить в иные планы бытия.

Прохор делал это и без эргиона – собранного особым образом кластера многогранников – один в другом и представлявшего, по сути, модель меркабы. Саблин пока не достиг полного владения мыслью и энергетикой, но двигался в нужном направлении. Выходить из тела и путешествовать по трансперсональной родовой линии всех Саблиных во Вселенной он мог, уже и не касаясь эргиона, однако изменять форму предметов умел пока только определённым усилием, сжимая эргион в ладони и превращая его в дополнительный контур сознания-воли-энергетики.

О том, что каждый предмет, каждая вещь, каждый искусственно созданный объект или субъект естественного происхождения имеет спектр форм, Данияр узнал не от Прохора, а от своего «брата» – Саблина из одиннадцатого числомира; там его звали Данимиром.

Кирпич, к примеру, мог быть не только параллелепипедом, но любой другой базовой фигурой – тетраэдром, кубом или сферой. Шар для игры в бильярд точно так же мог принять форму куба, тетраэдра или многогранника. Но одно дело – слышать об этом от друга или учёного, занимавшегося формологией, другое – самому научиться трансформировать предметы до полной их неузнаваемости.

Первым делом, конечно, пришлось учиться погружаться в транс и соединять цифры и символы для перехода к четырёхмерному восприятию реальности, организовывать свою личную пси-структуру в *поток* числоперехода. Но в конце концов Саблин овладел этим искусством с помощью «родича» из одиннадцатого числомира, и постичь азы формотранса было уже легче. Спустя полгода с момента атаки Владык на Прохора он овладел процессом формотрансформации и мог теперь научить этому почти любого желающего. А Лера была прилежной ученицей.

В левой стене ущелья открылась слоистая арка, нависающая козырьком над грудой обвалившихся сверху камней. Саблин много раз проходил мимо, не обращая на этот изъём в стене ущелья никакого внимания, но сегодня он почему-то показался ему необычным.

– Постой-ка, – сказал он, вглядываясь в щель между нижним срезом козырька арки и вершиной осыпи. – Что-то здесь не так.

Лера послушно остановилась.

Саблин дошёл до стены, примериваясь, нашёл более или менее удобный подъём и взобрался на осыпь, выбирая глыбы в качестве ступенек. По мере подъёма щель между вершиной осыпи и карнизом становилась всё больше, и когда Саблин взобрался наверх, его взору предстал лаз в глубь горы, достаточно широкий и высокий – более метра, чтобы в него можно было протиснуться.

– Что там? – поинтересовалась Валерия.

– Ход, – сказал он. – Наверно, обрушилась часть свода пещеры, да ещё сверху камни нападали. Я посмотрю, можно ли туда пролезть.

– Подожди, я тебя подстрахую, – сказала она, начиная подниматься.

Саблин улыбнулся. В этом была вся Лера, привыкшая доверять себе и мужу, никогда не пугавшаяся трудностей и не любившая причитать: ах, не надо, это опасно, камни могут рухнуть снова, – как это делают почти все женщины. И именно такое её отношение к риску в частности и к жизни вообще нравилось Данияру больше всего. Валерия не зря работала в службе спасения МЧС, выбрав занятие по своему характеру.

Дождавшись жену, он начал протискиваться в глубь лаза, почуяв азарт исследователя-спелеолога. Об этой пещере ему никто из старожилов посёлка не рассказывал, и вполне могло случиться, что он первым обнаружил вход в подземелья Ергаков, о которых давно ходили слухи среди местного населения.

Спуск с другой стороны – под козырёк пещеры – оказался более пологим. Саблин преодолел его за несколько минут. Выпрямился во весь рост, огляделся.

Похоже было, что он и в самом деле обнаружил пещеру, уходившую в недра горы под углом градусов в двадцать. Света здесь не хватало из-за массы рухнувших с козырька камней, но всё же Данияр разглядел ровный, словно заасфальтированный пол, гладкие стены и сводчатый потолок, напоминавший готические потолки европейских храмов.

– Что там? – воробьём долетел голосок Валерии.

– Спускайся, – крикнул он в ответ. – Только смотри под ноги внимательно.

Вскоре послышалось шуршание, стук осыпающихся мелких камешков, появилась Валерия, спускавшаяся задом.

– Куртку порвала, – пожаловалась она, когда он помог ей преодолеть последние метры осыпи.

– Ничего, новую купим, – отмахнулся он.

– Что ты здесь нашёл?

– Гляди, – отступил Саблин.

– Красота какая! – оценила Валерия гладко-выпуклый пещерный интерьер. – Смотри, какой пол ровный.

– Вот и я прикидываю. У тувинских шаманов легенда есть о крепости Пор-Бажын, якобы она охраняет вход в подземелья Шамбалы. Вдруг мы нашли один из запасных выходов оттуда?

– Фантазёр.

– Почему нет? О подземных ходах почти у всех народов мира легенды созданы, а такое устойчивое мифообразование не может не иметь причину. Посмотрим, что там дальше?

– Темно...

– Далеко не пойдём, а заодно и потренируемся.

Двинулись в глубь пещеры, напрягая зрение. Света становилось всё меньше, но глаза Саблина быстро приспособились к полумраку, и он различал все детали пещерного интерьера.

Появились пологие бугры и рытвины, кучи мелких камней и песка вдоль стен. Уклон становился всё круче, пока не оборвался обрывом, скрывающим провал в полу пещеры.

– Приплыли, – сказал Саблин, останавливаясь. – Колодец, что ли?

Валерия ухватила за его плечо, вытянула шею.

– Ничего не вижу. Может, это вулканическое жерло?

– Может быть, – не стал возражать Данияр. – Потому и стены у пещеры гладкие – лава выходила. А с другой стороны, тут отродясь вулканов не было. Помнишь, мы с тобой в Исландию летали? Вот там да – был настоящий кратер.

– Трихнию...

– Трихнюкайигюр.

Валерия фыркнула.

– Уже забыла название.

– Его с одного раза и не выговоришь, – улыбнулся Саблин.

Древний вулкан, о котором они заговорили, находился в Исландии, недалеко от Рейкьявика, и представлял собой «бутылку» глубиной в двести метров. Когда власти местечка, где и располагалась природная достопримечательность, построили лифт для туристов, опускающий их на глубину ста двадцати метров, чтобы они могли полюбоваться на озеро кипящей магмы восьмьюдесятью метрами ниже, вулкан стал архипопулярным, его слава достигла России, и Саблин, ещё будучи в Суздале, посетил с Лерой и друзьями Трихнюкайигюр.

– Только озера с магмой не хватает, – сказал он. – Ну что, возвращаемся?

– Давай, а то здесь... – Валерия поёжилась, – страшновато!

Они повернули назад и не успели подойти к завалу, как пол под ногами дрогнул, послышался каменный стон, загрохотало, и отверстие, через которое «спелеологи» попали в пещеру, засыпал поток камней снаружи. В пещеру вырвалось облако пыли.

Саблин повалил жену на пол, прикрыл своим телом, ожидая, что с потолка пещеры посыплется камни, но внешний катаклизм кончился, камни перестали скатываться и с треском раскалываться, стало тихо.

– Рассупонь твою супонь! – с расстановкой проговорил Саблин, вставая и тараща глаза в полной темноте.

Лера села, держась за руку мужа, чихнула.

– Что произошло?

– Нас засыпало.

– Совсем?

– Не знаю. – Он с трудом сдержал гневное словцо, злясь на самого себя. Если и следовало соваться в пещеру, то имея при себе необходимое снаряжение, а его неожиданный кунштюк с исследованием выглядел чистым мальчишеством. У них даже спичек с собой не было, не говоря уже о фонаре. Нож был, но он ничего в данной ситуации не решал.

– Посиди здесь, я посмотрю, можно ли разобрать вершину завала.

Саблин на ощупь – в пещеру теперь не проникал ни один лучик света – взобрался по осыпи на её вершину, попытался сбросить несколько глыб. Удалось пошевелить лишь пару небольших камней, остальные сидели плотно, словно зацементированные.

– Тут экскаватор нужен. – Он слез, нашёл Валерию, прижавшуюся к нему. – Или направленный взрыв.

– Нас сбросит в ту дыру... или потолок рухнет.

– К сожалению, ты права, тут не рассчитаешь точно. Да у нас и взрывчатки нет.

– Что будем делать?

– Надо подумать. – Он вспомнил о существовании «родича» из одиннадцатого числа мира. – Кажется, я нашёл идею.

– Какую?

– Посоветуюсь с «братцем». Давай-ка присядем, ты меня подстрахуешь.

Они отошли к стене пещеры, уселись в неглубокой гладкой выемке, Данияр поворочался, лёг, положил голову на колени Валерии.

– Жди.

Медитировал недолго, расслабляясь и растворяясь в тишине, слагая в мыслях формулу числоперехода, грея в ладони эргион.

Душа вынеслась из тела призрачной тенью, преодолела несколько энергоинформационных мембран между числомирами и уверенно «совершила посадку» в голову Саблина-одиннадцатого.

«Братец» Данимир сидел у компьютера.

«Чую, чую, серой запахло, – с усмешкой объявил он, откидываясь на спинку кресла. – Кто стучится в дверь моя?»

«Привет, – сказал Данияр. – Работаете? Не помешал?»

«Пытаюсь вытащить из компа Прохора алгоритм перехода в трансцендентные миры, порождённые не целыми числами. Увлекательный процесс, я тебе скажу».

«Ты же не математик».

«Тут много ума не надо».

«Зачем тебе трансцендентные миры?»

«Вдруг через них можно пролезть в Первомир и поискать Прохора с Юстиной?»

«Думаешь, это возможно?»

«Может быть, и нет, но ведь что-то надо делать?»

«Надо встретиться с ДД и обговорить наше положение».

«Он сейчас где-то в Безднах, да и говорили уже, он тоже пока не знает, что случилось, почему наши ребята-девчата не возвращаются из похода в Первомир».

«Разве не ДД утверждал, что между Первомиром и остальными числомирами стоит блок? Наши ушли туда только благодаря помощи меркабы, а оттуда перейти к нам у них нет сил... без той же меркабы. Она-то у нас».

«Зато в Первомире стоит матричный формотрон, задающий программу всей Числовселенной. Нет, здесь что-то не то, есть причина, которую мы постичь не в состоянии. Кстати, надо бы собрать вашу меркабу».

«Зачем?»

«Чую, она пригодится нам в скором времени».

«Здесь будет трудно найти специалистов по сборке такого агрегата».

«А где ты?»

«Всё там же, в Ергаках, я тебе уже сообщал, куда мы переехали. Тут классно! Пейзажи – закачаешься!»

«Почему ты выбрал именно Ергаки? Не из-за пейзажей же?»

«Волков посоветовал, да и у ДД в Абакане есть друзья, он обещал присоединиться. Правда, до сих пор не приехал».

«Понятно. Чем занимаешься?»

Данияр виновато поёжился.

«Понимаешь, дружище, мы с Леркой пещеру нашли... и нас засыпало. Сидим вот в полной темноте, маракуем, что делать. Связь не работает, никого даже предупредить не смогу. Ругаю себя последними словами, зачем полез?»

«Что значит – зачем? Это же прекрасный повод потренироваться формотрансу. Эргион с тобой?»

«Мы и шли тренироваться».

«В чём же дело? С эргионом тебе сам чёрт не брат! Давай, выбирайся, потом сообщишь результат».

Саблин вернулся в родное тело.

Валерия почувствовала, как муж «оживает».

– Удалось? Разговаривал с Данимиром?

– Он умней меня, – с досадой проворчал Данияр, чувствуя сухость во рту. Но воды в пещере никто ему подать не мог. – Посоветовал выбираться самим.

– Как?

– Не догадываешься?

Валерия помолчала, хорошо зная характер мужа: шутить в безнадёжной ситуации он не стал бы.

– Позвоним Косте?

– Нет, здесь мобила не работает, слишком толстый слой породы. Но у нас есть эргион.

– Ты хочешь... изменить форму... камней?! Но ведь их много...

– Какая разница, сколько их? Попробуем и посмотрим, что получится. Начинай ты.

– Я?! – испугалась Лера. – У меня же не всегда... получалось.

– Получалось через раз, просто нужно время, чтобы научиться ловить нужное состояние ума и тела. Взяла эргион?

– Н-нет... забыла...

– Не на прогулку же шли... ладно, бери мой и начинай, как я тебя учил. Камни – это всего лишь неправильные многогранники, так? Формообразующий импульс превратит их в правильные.

– Они же всё равно будут торчать в завале.

– Нужно пройти их формоспектр до конца, тогда они рассыплются в песок и вообще в пыль.

Саблин вложил в ладонь жены потеплевший сросток ажурных многогранников, вырезанных из яшмы, халцедона и лазурита: тетраэдр в кубе, куб в икосаэдре, икосаэдр в додекаэдре. Это был подарок Талгата, вручённый Саблину при расставании. Помощь араба в операции по освобождению пленниц была неоценима, и Данияр в ответ подарил ему свой перстень, целиком выточенный из хризоберилла. При падении на грань перстня солнечных лучей он превращался в светящийся кошачий глаз.

Конечно, у него был и свой эргион, простенький, деревянный, смонтированный ещё Прохором, но его он отдал жене, которая благополучно забыла взять его с собой.

Какое-то время ничего не происходило. Лица жены Саблин не видел, но представлял, как она переживает.

– Смелей!

По затылку скользнул холодный ветерок – верное предзнаменование начавшегося процесса формопреобразования. В глубине осыпи затрещало, со стуком посыпались камни. Рука Валерии, которую он держал, дрогнула.

– Получилось?!

– Сейчас посмотрю, отдохни.

Руки нащупали правильные грани, рёбра и углы. С десятков каменных глыб превратились в кубы, но всё же их было мало. Формопреобразующий импульс Валерии затронул лишь ближайшие обломки осыпи. На весь объём камнепада её воображения не хватило.

Вспомнились беседы с Талгатом, в свою очередь получившим свои знания от «брата» Таглиба из одиннадцатого числомира. А Таглиб учился непосредственно у Бурлюка.

Многообразие всех форм одного и того же материального тела образует плотное непрерывное множество, говорил ДД, или, если хотите, ещё одно измерение – Ф. Для каждого объекта существует свой спектр, в котором этот объект может быть реализован на физическом уровне без потери внутренних качеств. Если цифры структурируют *всё* пространство, *весь* физический вакуум, то геометрические формы – лишь локальное пространство объекта.

И ещё он рассуждал о связи числа и формы, приводя в качестве примера слова «истина» и «форма». В системе смысловой взаимосвязи слов русского языка понятия «истина» и «форма» не зря имеют одинаковую числовую меру – 70. То есть они связаны и состав-

ляют основу соразмерности осей «Ч» (числа) и «Ф» (формы). Жить друг без друга они не могут, как образно выразил Талгат своё отношение к формонавтике. Но шутка шуткой, а на практике так и было: зная алгоритм перехода в параллельно-последовательные числомиры, можно легко научиться изменять и форму объектов, что наверняка умели делать древние колдуны и маги, не зная основ числонавтики и формологии.

– Не получается? – прошептала, вздрагивая от волнения, Валерия.

Саблин очнулся, настроился на «волшебство», мысленно обнял каменную осыпь и послал формоимпульс. Затем «дал очередь», прогоняя спектр форм каменных глыб до предела их сцепляемости.

Груда камней начала оседать, потрескивая, превращаясь в гору многогранников, которые всё больше и больше увеличивали количество граней, пока не превратились в шары, потом в песчинки и распались в пыль.

В пещеру хлынул дневной свет: гора пыли осела так низко, что освободила проход в неё.

Валерия заслонила глаза ладошкой, потом крикнула «ура!» и чихнула.

Саблин засмеялся, почувствовав облегчение. Какое-то мгновение он сомневался в своих колдовских заклинаниях.

– Поняла теперь, какая сила нам подчиняется?

– Поняла.

– И заметь, никакого волшебства, никакой чёрной магии, а тем более мошенничества.

Увязая по пояс в горе продолжающей рассыпаться и оседать пыли, они выбрались из пещеры в ущелье.

Прошло всего около часа с момента заключения «спелеологов» в каменной ловушке, снаружи ничего не изменилось, ветерок стих, воздух прогрелся градусов до восемнадцати, и от тишины, от жгучих солнечных лучей, свободы и родившегося чувства уверенности в своих силах хотелось петь. Саблин с трудом сдержал свой порыв.

– На, держи, – отдал он эргион Лере.

– Зачем? – не поняла она.

– Мы зачем сюда шли? Тренироваться. – Он оглянулся на прекрасно видимый теперь зев пещеры. – Вот и продолжим тренировку. Твоя очередь. Восстанавливай осыпь.

– Ты шутишь?

– Эта гора песка и пыли была грудой скальных обломков, я догнал её до конца формоспектра. А ты попробуй восстановить.

– Разве это возможно?

– Не знаю, – признался он. – С камнями я не пробовал. Кирпич не восстанавливается, пытался как-то раз. Нож свою форму восстановил, стакан тоже.

Они отошли подальше, переступая ползучие ветви кустарника, Лера вытянула руку с эргионом к пещере, посмотрела на мужа вопросительно, и вдруг лицо её изменилось.

– Стой! Не двигайся!..

Он послушно замер, не понимая, в чём дело.

– Что ты увидела?

– Змея... – шёпотом ответила Валерия. – Прямо у твоей ноги... сзади...

– Спокойно, я вытащу нож...

– Не надо, я попробую её...

– Трансформировать?

– Да!

Конечно, проще было бы вытащить нож и отсечь гадине голову, реакции хватило бы, но Данияр отказался от намерения.

– Давай.

Лицо Валерии затвердело, побледнело, ямочки на щеках исчезли.

Струение воздуха слетело с её кулачка, направленное к ноге Данияра. На миг щиколотку свела ледяная судорога.

Он скосил глаза вниз и в бок.

В метре от ноги на плоском камне лежала прямая, серовато-бурая, с черными пятнами и тёмными полосами, прямоугольная палка длиной около метра. Это и была змея, изменившая форму пожарного шланга на форму бруска. Формоимпульс Леры достиг цели, ошеломя опасное пресмыкающееся настолько, что оно застыло в ступоре.

Впрочем, сама «колдунья» была ошеломя не меньше.

– Получилось! – изумлённо выдохнула она, широко раскрывая глаза.

Саблин захохотал, подошёл к ней, отобрал эргион.

– Молодец, не промазала. Посмотрим, что будет дальше.

Прямоугольная «палка» змеи опомнилась, попыталась ползти, но у неё не получилось. Дёргаясь, скручиваясь, она слетела с камня, встала на хвост, снова упала.

Валерия вцепилась в локоть мужа.

– Ей плохо... верни форму.

– Ага, чтобы она бросилась на нас. Это полоз узорчатый, укусит – мало не покажется.

Он примерился, «выстрелил».

Змея свернулась в кольцо.

– Упс! – удивился Саблин. – Ничего себе колданул!

– Она... оно... живое?

– Живое пока, видишь, дёргается. – Саблин «выстрелил» ещё раз.

Змеиное кольцо превратилось в подобие черепахи без ног.

– Как интересно! Никогда бы не подумал, что у змеюки будет такой спектр. А ну ты попробуй.

Валерия отступила, загораживаясь ладонью.

– Я боюсь!

– Чего тут бояться, в тигра она не превратится. Давай, давай, учиться так учиться, раз подвернулся такой удобный случай.

Лера взяла эргион, напряглась.

«Черепаха» превратилась в пятнистый шар!

– Здорово! – восхитился Данияр. – Конец спектра уже близок. Что там дальше?

Ещё один формопреобразующий импульс превратил змеешар в полсотни маленьких кожистых шариков. В отличие от большого шара, представлявшего одновременно туловище змеи и её голову и пытавшегося двигаться, эти шарики шевелиться не стали. Все они представляли собой различные участки тела змеи, а один – отдельно голову, искажённую формоимпульсом до неузнаваемости. Судя по отсутствию какого-либо движения, жизнь «рассыпанную» змею покинула.

– Аминь! – сказал Саблин. – Не фиг было соваться под ноги. Ну что, продолжим?

Ответить Валерия не успела, у Саблина зазвонил мобильный телефон. Он поднёс браслет айкома ко рту.

– Слушаю.

– Данияр Тимофеевич, – раздался голос Валентина, – вы далеко?

– Не очень, а что?

– Волков приехал.

– Наконец-то! – обрадовался Саблин. – Давно жду. Скоро буду.

Он отключил связь, обнял жену от избытка чувств.

– Сергей Николаевич приехал, возвращаемся.

– Потренировались, называется, – с лёгким разочарованием проговорила Валерия, глянув на россыпь «змеиных» шариков.

– Ничего, у нас ещё будет время. Ты и так показала себя молодцом.

И они отправились обратно в посёлок, пережив приключения, которые совершенно не планировали.

Сорок четвёртый

Снова приснилась мрачная фигура в сером плаще с накинутым на голову капюшоном.

Прохор дёрнулся назад – было странное ощущение, что ехал в метро, в вагоне, но оказался в сером нигде без опоры и стен, в котором тело начало растворяться, кипеть, испускать пузырьки пара и таять. При этом никакой боли или неудобств не ощущалось, было даже приятно.

Тело начало распадаться на части: отпала кисть левой руки, потом правой, отлетело ухо, опали волосы, отделилась ступня...

Прохор понял, что сейчас может реально умереть, и запредельным усилием воли «собрал» себя в единое целое, заставил тело сделать шаг, другой...

Он спал, сидя в кресле, за компьютером, опустив голову на клавиатуру. Глянул на мерцавшие в пластине монитора цифры времени: второй час ночи, немудрено, что мозги отключились, весь день сидел за компом, поужинал и снова сел за работу. Жена давно уложила бы спать, да только где она, жена? Три месяца уже как ушла... не выдержала образа жизни мужа... Зато задачу он таки решил, а это главное, заказчик будет доволен.

Специальность, которую получил Прохор Смирнец, окончивший шесть лет назад университет в Грозном, называлась «квантовая прогностика». Однако способности Прохора были выше, он владел и математикой, и футур-инжинирингом, и онлайн-анализом и мог работать в любой государственной структуре или в коммерческой корпорации. Но он избрал другой путь и стал превалитором – частным специалистом по системному программированию, решавшим любые математические, компьютерные и прикладные инженерные задачи по собственному желанию.

Заказчиков хватало, поскольку таких креативных разработчиков нетривиальных программ не только в России, но и во всём мире можно было пересчитать по пальцам одной руки, поэтому Прохор имел возможность выбирать и задачу – с той точки зрения, интересна она ему или нет, и заказчика, будь он представителем государственных органов, частным предпринимателем или мафиозной структурой. Оплата заказа при этом не являлась приоритетным условием его выполнения, главным условием был интерес исполнителя.

Попытки принудить Прохора работать под контролем предпринимались как со стороны спецслужб России, заинтересованных в его услугах, так и со стороны криминала. Но заканчивались ничем.

Классик назвал бы его человеком в футляре и был бы прав на сто процентов. Прохор Смирнец действительно жил как отшельник, погруженный в «футляр» своих мыслей и переживаний. И руководствовался он только внутренним чутьём да тем, что вызывало творческий интерес.

Не красавец и не урод, не спортсмен и не интеллигентный хлюпик, не флегматик и не меланхолик, не гурман и не любитель острых ощущений, хотя при случае мог импульсивно ввязаться в какую-нибудь авантюру, зато – интеллектуал от бога, способный решить в уме любую математическую задачу.

Жена Павлина ушла от него не потому, что он загулял или перестал обращать на неё внимание, а из-за его неистовой увлечённости работой. Он мог просидеть за компьютером месяц, отвлекаясь только на сон и еду. И Павлина, девушка в общем-то терпеливая, прожив с мужем около года, не выдержала.

Какое-то время он сильно переживал, даже к компьютеру не подсаживался пару дней. Павлина была ему необходима как воздух, и в душе он осознавал, что любит её и не хочет видеть рядом с собой никого, кроме неё. Однако смирился, втянулся в работу, и всё пошло своим чередом. Хотя вспоминал он Павлину чуть ли не каждый день.

Сон с появлением человека в сером плаще, прячущего лицо под капюшоном, снился ему уже не первый год. Впервые это случилось после длительной голодовки, ещё до женитьбы. Он делал расчёт суперпозиции квантовых состояний «запутанных» элементарных частиц для создания квантового компьютера и едва не попал в больницу от перевозбуждения и слабости. Организм отключил сознание (к счастью, пришёл друг и вывел математика из этого состояния), и Прохору приснилось, что к нему приходил некто в плаще, назвавший себя Прохориилом девятьсот девяносто девятым. О чём они говорили, Прохор не помнил, но переживание встречи было таким глубоким, что след её остался в памяти, которая время от времени напоминала ему о существовании «матрёшечной числовселенной» и «родственника» в одном из её запредельных миров.

«Ты сильный, – родилось смутное воспоминание речи гостя, – почти такой же сильный, как я, не хочешь поработать вместе?»

«Нет», – ответил он ему тогда. Речь шла о путешествии в какие-то «бездны». Впрочем, вполне возможно, «бездны» он придумал уже позже, психика и не такое способна была выдумать.

Прохор потёр бровь пальцем, пытаясь выудить из памяти подробности сна, мотнул головой с сожалением: чёрт с тобой, не очень-то и хотелось. Не к врачам же обращаться?

Он полюбовался на экран, в растворе которого красовалась выведенная им формула. Задачу поставили представители Белросской космической корпорации, и звучала она так: рассчитать алгоритм ликвидации космического мусора вокруг Земли. Ему даже выдали секретные данные о столкновениях космических кораблей, в том числе военных, с обломками отработавших своё спутников, топливных элементов и прочей отслужившей свой век техники. И он сделал работу, просидев над проблемой несколько суток кряду. Теперь можно было получить гонорар и расслабиться, поехать куда-нибудь отдыхать, взяв с собой самый простой планшетник... на всякий случай.

Улыбнувшись, Прохор выключил компьютер, прошлёпал в ванную, плеснул в лицо воды, глотнул кумыса – друг привёз из солнечного Казахстана и лёг спать.

Спал как убитый до девяти часов утра. Проснулся бодрый, довольный жизнью и собой. Включил компьютер, просмотрел почту, вывел на монитор графическое изображение главного творения последних дней, почесал бровь.

Это был, конечно, не колокол Гаусса, но формула оказалась сродни распределению значений орбит «мусорных спутников» относительно среднего в результате объединения случайных воздействий друг на друга. И кривая получилась красивая, похожая в каком-то приближении на график распределения экстремальных значений. С её помощью можно было легко отслеживать пучности масс обломков на орбитах и собирать мусор в космосе. Интересно, сколько можно взять за такой расчёт? Обещали не меньше ста тысяч зелёных...

Зазвонил телефон.

– Включись, – отозвался Прохор, оставаясь на месте.

Кабинет и вообще вся квартира были оборудованы системой объёмного звукомониторинга hand-free, и по телефону можно было разговаривать из любой точки любой комнаты, не беря в руки трубку.

– Привет, лежебока, – раздался голос Дана; фамилия у него была Шаблюка, Даныбай Шаблюка, наполовину казах, наполовину украинец, и это был тот самый друг, который привозил ему с родины кумыс, коже, токаш, баурсаки и прочие казахские вкусности.

– Привет, – откликнулся Прохор.

– Чем занимаешься?

– Ничем, – сказал правду Прохор.

– Ты же что-то считал для обороны.

– Закончил, и не для обороны, а для Роскосмоса.

- Одна шарага. Чем планируешь делать?
- Не знаю ещё, сулят хороший гонорар за участие в создании материалов с отрицательным коэффициентом преломления.
- Не слышал о таких. И с чем их едят? Зачем они нужны?
- Из них можно будет делать плащи-невидимки, краски-невидимки, оптические маски, идеальные изоляторы шумов и прочее.
- Так вроде бы над этой проблемой уже работают в военных лабораториях, чайназийцы даже танки-стелсы демонстрировали.
- Диапазон применения этих материалов велик. Но я ещё не дал согласия. Деньги пока есть, хочу отдохнуть где-нибудь на море и продолжить свой многолетний труд.
- С «невообразимостями»? – понимающе хмыкнул Дан. – Интересно же тебе возиться с такими непонятками.
- Интересно, – подтвердил Прохор.

Речь шла о явлениях и процессах так называемой физики невозможных состояний. Уже не один десяток крупных учёных согласился с теорией Большой Вселенной, вмещающей в себе неисчислимое количество Мирозданий, подобных тому, в каком реализовался человеческий разум. Поэтому с философской точки зрения в этой абсолютной бесконечности миров должны были существовать и «невозможные ни при каких обстоятельствах» – с точки зрения человеческой логики. А так как это утверждение не противоречило той же самой логике, то миры «невообразимостей» должны были отыскаться, пусть и в действительно невообразимой человеком области семантических или числовых квазипространств с кучей дополнительных измерений.

Прохор заинтересовался «невозможной» физикой с математической стороны, изучил десятки парадоксальных теорий и нерешённых численных задач, просчитал недоказанные теоремы и уравнения наподобие гипотезы Римана о распределении «нетривиальных нулей» дзета-функции, тщательно проработал периодическую систему простых чисел, увлёкся эзотерической геометрией, убедившись в том, что форма предметов влияет на их содержание, но пока что единственным его успехом на этом поприще было создание таблицы условий для существования сочетаний противоположностей типа «жидкая вода – пар» и «пар – лёд». На очереди было решение «невообразимости» типа «твёрдая пустота». А оттуда было недалеко и до матричных постулатов «общей физики невозможных состояний», базирующихся на гиперкомплексных числах и на нецелочисленных размерностях континуума.

Впрочем, эти подробности Дану были ни к чему, к математике он был равнодушен. Зато он с детства любил пострелять и благодаря длительному увлечению этим делом приобрёл славу снайпера, сначала как любитель – попал даже в сборную Казахстана по стрельбе, потом как профессионал – вошёл в состав бригады КГБ Белроси особого назначения, специализирующейся на прикрытии важных государственных деятелей во время их вояжей по стране и за рубежом. Поэтому застать его дома было практически невозможно.

- А ты где сейчас? – спросил Прохор для порядка.
- В Москве, – ответил Дан. – Час назад прилетел из Таиланда.
- Ты же был в Египте.
- Правильно, неделю назад, потом сопровождал президента в Бангкок. Завтра у нас небольшая работка в Кремле, и я свободен. Если у тебя нет обязательств и противопоказаний, можем встретиться.
- Я ещё не решил, куда поеду, поэтому до пятницы совершенно свободен. Подъезжай ко мне завтра, как освободишься, прикинем, где можно приятно расслабиться.
- Отлично, договорились, буду у тебя завтра после обеда. Кстати, твоя жена звонила.
- Павлина? – недоверчиво произнёс Прохор. – Тебе?

– Ну да, что тут такого? Мы перезваниваемся изредка. Не пробовал с ней контактировать?

– На что ты намекаешь? Она разорвала все отношения, забрала вещи и уехала к маме. Зачем начинать всё с начала?

– По-моему, она беременна.

Прохор застыл, глядя перед собой остановившимся взглядом, вспоминая соблазнительную фигурку Павлины, бывшей фигуристки. Они расстались три месяца назад, значит, она уже тогда была беременна. Почему же не сказала об этом?

– С чего ты взял?

– Она проговорила.

– Это... её проблемы.

– Ребёнок-то будет твой. Впрочем, приеду – поговорим. – Дан выключил линию.

– Не было печали, – проворчал Прохор, ещё не осознавая, что его жизнь изменилась, и вовсе не по его планам.

Крепкий орешек

Саблин-11 не был большим специалистом в области компьютерных технологий, поэтому, повозившись с компьютером Прохора два дня, он сделал вывод, что вытащить из памяти машины какие-то сведения без вмешательства профессионала не сможет. Пришлось искать такового среди друзей и знакомых, пока компьютерщика не нашла двоюродная сестра Данимира Алла Юрьевна, владелица SPA-комплекса «Марьин остров» на алтайском Чемале. Поскольку из Суздаля Саблины переехали в Бийск, по совету той же Аллы Юрьевны, забрав тела Прохора и Юстины, не вернувшихся из похода в Первомир, то и компьютерщик нашёлся там же, Алла его хорошо знала. С его помощью Данимиру удалось наконец вывести на экран почти все файлы, и он с интересом углубился в дебри математических теорий, которыми занимался Прохор.

Конечно, многое было непонятно, он постоянно спотыкался о термины вроде «Булева алгебра», «дзета-функция», «квадратичный многочлен» и другие, но физические приложения этих терминов были вполне осязаемы, и Саблин постигал экзотику математики с удовольствием.

Прочитал он и воспоминания Прохора, посетившего чуть ли не сотню своих «родичей» в других числомирах и описавшего те, что наиболее удивили математика. Таким миром, к примеру, был мир десятизначного Капрекара – превалитет номер 4679307774, мир постоянной текучей изменчивости, трансформирующийся чуть ли не от каждого чиха его жителей. Имя Прохора этого числомира тоже было необычным – Плили-Симилив, звучащее как птичий щебет. Неудивительно, что «родной» Прохор, одиннадцатый, оставил запись о посещении «брата». Саблин на его месте сделал бы то же самое, хотя был менее впечатлительным человеком.

В Бийск переехали зимой, практически сразу после схватки с эмиссарами Владык во втором числомире, где жили Прохор-2, его жена Устя и Саблин-второй – Данияр. Устроились сначала в квартире бывшего мужа Аллы Юрьевны, который сдавал квартиру в аренду, проживая со второй женой в Барнауле. Потом Алла Юрьевна поговорила со своим двадцатисемилетним сыном Андреем Веровым, и чета Саблиных переехала в загородный дом Андрея, оказавшегося удачливым бизнесменом.

Парень окончил Барнаульский промтех, уехал в Москву, собираясь покорить столицу, не преуспел в этом начинании, помыкался по свету в поисках приложения творческих сил, а потом вернулся на Алтай и занялся сбором и обработкой кедрового ореха.

– Сибирский кедр, – увлечённо рассказывал Андрей гостям, – уникальное дерево! Его орехи серьёзно полезнее орехов корейского и маньчжурского кедров, так как их белок по микробиологическому составу максимально близок животному. Это идеальный продукт для вегетарианцев!

Андрей сообразил, что продавать уже обработанные орехи выгоднее, чем в скорлупе, набрал денег в долг (в том числе и у матери), построил своё производство в Бийске. Чуть было не обанкротился, потому что клиенты не стали покупать у него орехи, так как по содержанию колониеобразующих единиц, а проще – плесени, они не проходили экспертизу. Но парень не сдался, снова взял кредит на покупку камеры для обработки орехов активными частицами и применил её на предпоследней стадии обработки; всего у процесса обработки орехов девять стадий. И орехи пошли!

После этого бизнес Верова набрал массу, он отдал долги и построил себе за городом коттедж, куда и переехали Саблины, вынужденные скрывать тела Прохора и Юстины от посторонних глаз и ухаживать за ними. Точно так же, как это делали Саблин-второй и его жена Валерия, проживающие во втором числомире.

Двухэтажный коттедж Андрея не мог похвастаться стометровым бассейном, мраморными полами и золотыми унитазами, но всё же он был современным, некичливо-уютным и красивым. Обслуживала усадьбу семья пожилых алтайцев, которых практически не было видно и которые чудесным образом успевали поддерживать в доме и на вверенной территории чистоту и порядок. Недаром старика звали Амыр, что на тюркском означало «покой», а его жену – Айлууш – «добрая». Сам старик называл её Лушкой.

За полгода, истекшие с момента переезда после нападения агентов Владык на Прохора-второго, жизнь Саблиных в одиннадцатом числомире не намного изменилась, если не считать смены климата и природных особенностей.

Варя устроилась в полиции Бийска по первой своей специальности – инспектором по делам несовершеннолетних, ей поручили контролировать местные детские дома.

Саблин предложил свои услуги тренера по выживанию в экстремальных условиях, и его взяли в спорткомитет Бийска курировать муниципальные спортивные базы, а заодно – тренировать детей чиновников, пожелавших научиться рукопашному бою.

С Прохором и Юстиной пришлось повозиться, как в прямом, так и в переносном смысле.

Поскольку в Суздале могли остаться агенты Владык, было бы неправильно сообщать в УВД города о состоянии майора спецназа Юстины Бояриновой, лежащей без сознания, а тем более объяснять кому-либо, что «душа» женщины ушла, образно говоря, в иные измерения. Поэтому Саблину пришлось выдумывать легенду о гибели Юстины в автокатастрофе. Такой случай действительно представился – на Горьковской трассе, в двадцати километрах от города, столкнулись бензовоз и джип «Мальборо», вспыхнувший бензин уничтожил тела пассажиров джипа, и Саблину с помощниками осталось только инициировать смерть подруги, которая якобы ехала в джипе. В одной из сгоревших женщин он, Варя и её подруга «узнали» Юстину.

Почти полностью сгоревшее тело пассажирки «Мальборо» похоронили как тело Юстины, в то время как настоящую Юстину перевезли в Бийск.

Знала истинное положение дел только помощница Юстины Катя. Ей пришлось рассказать всё.

Тела Прохора и Юстины перевозили на Алтай точно таким же способом, каким перевезли тела Прохора-второго и Усти во втором числомире. Правда, Варя не сразу научилась вселяться в тело Юстины, и Данимир устраивал её в кабине мини-фургона «Форд Транзит» сам, испытав непривычные ранее ощущения. Если тело Прохора было телом мужчины, то Юстина была женщиной, и «осваивать» её тело было очень непривычно. Правда, о своих «интимных» переживаниях Саблин предпочитал жене не рассказывать.

Она же научилась ходить по числомирам и жить в чужом теле как в своём только спустя месяц после переезда, и этот месяц Саблин вытерпел с большим трудом.

Однако всё устроилось, они по очереди ухаживали за друзьями, «души» которых застряли где-то в Первом мире, и надеялись, что когда-нибудь те вернуться.

Восемнадцатого июня, в среду, Саблин вернулся домой (если, конечно, считать коттедж Андрея своим домом) раньше Варвары. Навестил лежащих в спальне на втором этаже Прохора и Юстину, – они лежали полураздетыми на разных кроватях, – признаков жизни в них не заметил, если не считать слабого дыхания, и спустился в столовую, занимавшую одну из просторных комнат коттеджа на первом этаже.

Айлууш уже приготовила ужин, однако Саблин решил дождаться Варю и выпил лишь стакан облепихового морса.

– Как дела? – задал ему привычный вопрос Амыр, посасывая пустую ореховую трубку; курить табак старик бросил давно, но привычку держать во рту трубку не отменил.

– Как сажа бела, абаай, – ответил Саблин, изучивший два десятка слов на алтайском языке; «абаай» на телеутском наречии означало «дедушка». – Никто нами не интересовался?

Ответный вопрос тоже стал привычным, Саблин понимал, что их будут искать ищейки Владык и когда-нибудь нападут на след. К этому следовало относиться серьёзно.

– Никто, однако, – ответил сухонький, с головой, покрытой седым пушком, но живенький Амыр Сабашкин. – Соседка заходила к Лушке, больше никто.

– Ну и хорошо. – Саблин знал эту соседку, она обслуживала соседнюю усадьбу и дружила с Айлууш.

Поднявшись на второй этаж, где располагались две спальни, кабинет и бильярдная с камином, он подсел к компьютеру.

Читать записи Прохора о путешествиях в Бездны числомиров, порождённых очень большими числами, состоящими из цифр со взаимокompенсирующими свойствами, было захватывающе интересно, но, к сожалению, математик был лаконичен в описании этих миров и оставил сведения только о самых экзотичных и шокирующих. Всего Саблин насчитал двадцать два описания, из которых лишь три-четыре были описаны более или менее подробно.

Полчаса пролетели незаметно. Данимир успел лишь полистать кое-какие записи на жёстком диске, содержащие сведения о формологии и числонавтике, оставив главные файлы – о формонавтике – на потом. Их надо было изучать долго и вдумчиво.

Пришла Варя, поднялась на второй этаж, чтобы по привычке посмотреть на «уснувших летаргическим сном» подопечных, заглянула в кабинет.

– Давно пришёл?

– Перед твоим приездом.

– Ужинал?

– Тебя ждал, – оторвался от экрана Данимир. – Что у тебя? Слежки не заметила?

Этот вопрос Саблин задавал постоянно, и Варвара к нему привыкла.

– Не поверишь, – засмеялась она, – заметила.

Он недоверчиво прищурился.

– Даже так? Неужели не шутишь?

– Нет, серьёзно, за мной следит один человек, лейтенант, молоденький совсем, такой смешной. Мы вместе работаем.

– Клеится?

– Пока не пытался, не умеет наверно, робкий, но смотрит вполне по-мужски.

– Начнёт приставать – скажи ему, что я бываю очень злобен.

Варя фыркнула.

– Сама справлюсь... в коту превращу, я теперь колдунья.

– Лучше в козла.

– Козлы бодливые, а кот – в самый раз. Идём ужинать, я только руки помою. Потом займёмся нашими спящими красавицами.

Они спустились на первый этаж, сели за стол.

На ужин Айлууш приготовила рис с овощами и пироги с капустой, особенно любимые Данимиром.

Поговорили о делах, о проблемах на работе, Варя с грустью сообщила об инциденте на улице Бийска, которому стала свидетелем.

– Представляешь, старая «пятёрка» «Жигулей» подрезала «Фольксваген Джетту», за рулём девушка сидела. Из «Жигулей» выскочили четверо «джигитов», начали оскорблять, бить ногами по дверцам. А тут байкер проезжал, остановился, попытался урезонить бандитов. Те в ответ кинулись на него вчетвером, начали бить, у одного нож был, он ему куртку порезал и шины проткнул.

Саблин потемнел. Инциденты с северокавказскими «джигитами» начали происходить всё чаще, приезжие в открытую, нагло, демонстрировали свой лихой стайный образ жизни, и управы на них не находили ни свои же старейшины, ни полиция, ни депутаты, ни правительство. А может быть, и не хотели находить.

– Ты их хорошо разглядела?

– Наша машина почти за «Фольксвагеном» ехала, так что мы все видели, а водитель видеорегистратор включил. Думали, полицаи приедут, да разве их дождёшься? Девчонка из «Фольксвагена» выскочила байкеру на помощь, так ей тоже досталось, бандиты и на нее кинулись, кричали: уезжай отсюда, а то найдём и уроем!

– И никто не вмешался?

– Никто, я тоже не решилась.

– Правильно сделала, это мужики-водители должны были заступиться. Номер машины запомнила?

– Синяя, ржавая, номер 157, а буквы из головы выскочили. Можно в записи будет посмотреть.

– Ладно, я с твоего позволения предприму кое-какие шаги. Не переживай, воздастся и подонкам по делам их.

– Только ты не вмешивайся, – с тревогой проговорила Варвара. – А то знаю я тебя, начнёшь справедливость восстанавливать. Для этого органы соответствующие есть. Мы уже сообщили в полицию.

– Договорились, – улыбнулся Саблин, решив найти владельцев «Жигулей» и разобраться, если полиция не станет их искать. Но жене говорить об этом не стал.

Пужинав, они занялись «спящими».

Саблин, фигурально выражаясь, «надел на себя» тело Прохора, размялся, сходил в туалет, постоял под душем и поужинал, не ощущая аппетита. Сам он только что поел, и ощущение сытости передалось через психосоматику телу Прохора, которое в результате питалось как бы нехотя.

Затем наступила очередь Вари.

Наблюдать за ней было интересно, поскольку она волновалась перед «переодеванием» и сильно смущалась под взглядами мужа, контролирующего процесс вселения-выселения. Иногда она даже сердилась:

– Не смотри на неё! Я знаю, что Юстина красивее, а ты пялишься на неё... как бабник! Саблин смеялся.

– Во-первых, я не пялюсь как бабник, а подстраховываю твои действия. Во-вторых, ты самая красивая женщина на свете, и я счастлив, что ты моя жена.

Конечно, чувствовала Варя себя в теле Юстины стеснённо, так как жена Прохора была выше на полголовы, стройнее, легче, но в конце концов справилась с собой и уже не звала на помощь Данимира, когда залезала под душ или сходила по ступенькам лестницы вниз.

Уложили друзей на кровати.

Варя начала хлопотать по дому, помогать Айлууш мыть посуду, не желая обременять старушку, Саблин же поднялся в кабинет. Информации в компьютере Прохора хранилось столько, что он и за полгода не успел разобраться во всех записях математика, а тем более – понять.

Однако спокойно посидеть перед экраном не удалось.

В половине десятого раздался сигнал домофона: кто-то с улицы просил разрешения войти.

– Кто? – нажал кнопку ответа Саблин, хотя через секунду узнал гостя в экранчике: это был новосибирский брат Дмитрия Дмитриевича, уже навещавший Алтай по его просьбе год назад. Он нисколько не изменился: благообразный, величественный, седоватый, с хорошо

ухоженным породистым – «бульдожьим» лицом. Правда, в отличие от первого посещения одет он был нынче в белый костюм, белые туфли, чёрным был только лёгкий шарф.

– Разрешите войти?

– Валентин Дмитриевич, – пробормотал озадаченный и удивлённый Данимир, открывая калитку нажатием кнопки. – Входите, конечно.

Сбежал вниз, на ходу бросив Варю:

– К нам гость.

– Кто? – удивилась она не меньше его.

– Валентин Дмитриевич... а может быть, и сам ДД пожаловал.

Он встретил брата ДД на крыльце, пожал протянутую руку, пытаясь прочесть на лице гостя характерные признаки самого ДД.

Однако братья были похожи, и разобраться с первого взгляда с мимикой Валентина Дмитриевича не удалось. Он сам развеял сомнения хозяина, словно чувствовал его мысли.

– Мы вместе, – тонко улыбнулся он, входя в дом.

Это означало, что ДД в данный момент действительно сидит в голове брата как «наездник» и управляет его поведением.

– Проходите, – показал Саблин на лестницу, ведущую на второй этаж, после того как гость разделся в прихожей. – Может быть, поужинаете с дороги?

– Есть не хочу, а кофейку глотнул бы с удовольствием, если вы похлопочете.

– Варя, – позвал жену Данимир и, когда та выглянула из столовой, добавил: – Свари нам кофе.

– Здравствуйте, – сказала Варвара, с любопытством рассматривая гостя.

– Валентин Дмитриевич, к вашим услугам, – склонил тот голову с гривой седых волос. – Он же ДД.

– Очень приятно. – Варя убежала.

– Жена, – сказал ей вслед Саблин, чувствуя неловкость; аббревиатурой имени и отчества Дмитрия Дмитриевича – ДД – они пользовались только между собой, но академик откуда-то знал об этом.

– Милая, – веско сказал Валентин Дмитриевич. – Она в курсе ваших дел?

– В курсе.

– Что ж, может быть, это правильно.

Поднялись на второй этаж, заглянули в спальню, где спали почти мёртвым сном Прохор и Юстина.

– Задержались ребята, – сказал гость задумчиво.

Саблин промолчал. Сказать ему было нечего.

Сели в кабинете, Данимир на стул, Валентин Дмитриевич в кресло.

– Рассказывайте.

В принципе он уже докладывал ДД о переезде через Таглиба, поддерживающего связь с академиком, о положении вещей, но кое-что изменилось, и об этом стоило вспомнить.

– Всё тихо, – закончил он через пять минут.

– Всё, да не всё, – тем же задумчивым голосом проговорил Валентин Дмитриевич; в речи его иногда проскальзывали интонации брата.

Варя принесла кофе. Взялись за чашки.

– Что вы имеете в виду? – спросил Данимир осторожно.

– Тишина вещь относительная, на самом деле мир после проявления Владык изменился.

– Ну, за год действительно...

– Почему за год? Уже распад СССР был следствием проникновения эмиссаров Владык в наши числомиры вообще и во властные структуры Союза в частности. Полезла вверх пре-

ступность, коррупция повязала властные структуры снизу доверху, сформировался общецивилизационный терроризм. Вы слышали что-нибудь о теории управляемого хаоса?

Саблин помолчал.

– Очень мало. Эту теорию придумали в США...

– Властные структуры США находятся полностью под влиянием эмиссаров Владык, все американские олигархи – суть их агенты. Так что теория управляемого хаоса – великолепный инструмент, с помощью которого Владыки пытаются управлять мировыми правительствами всех преваитетов *всех* цивилизаций Числовселенной. Недоступен им лишь Первомир, мир Монады, да и то временно, судя по их недавним акциям с Узилищем и меркабой. В Первом мире стоит задатчик Законов Творца Числовселенной, матрица Прави, и они стремятся заменить её своей программой.

Валентин Дмитриевич посмотрел на посмурневшее лицо Саблина, пожевал губами.

– Впрочем, вы это знаете. Если бы не мембрана между Первомиром и остальными числомирами, которая, как проговорился мэр Вологды, он же – эмиссар Владык, есть Этический Закон Творца, нас с вами уже не было бы в этой одиннадцатой реальности. Мембрана же скорее всего мешает и нашим посланникам вернуться домой. Я даже подозреваю, что они...

– Брат ДД помолчал, допивая кофе. – Я даже подозреваю, что они пошли через Нуль.

Саблин вздёрнул брови.

– Куда?!

– Куда – ясно, домой, конечно, но не прямым путём – во второй преваитет, а через Бездны.

– Но ведь Бездны... насколько я понимаю... числа идут последовательно, одно за другим, от единицы до бесконечности... Так? Числовселенная развивалась так же... прямо...

– Кто знает? – пожал плечами Валентин Дмитриевич. – Не всё так просто. Во-первых, Числовселенная чем-то похожа на русскую матрёшку: внутри – самая маленькая, так сказать, матричная куколка, на которую надевается кукла побольше, и так далее, до бесконечности. Вполне вероятно, что наши предки знали истинное устройство Вселенной. Во-вторых, то, что мы называем бесконечностью, мало чем отличается от беспредельного хаоса. А хаос – в понимании отсутствия каких-либо качеств – по сути, есть Нуль-форма, опять же – русская Навь. *Потенция* проявленности. Поэтому я начинаю подозревать, что Нуль-мир и Бездны где-то перетекают друг в друга. Помните легенду о Великом Змее Уроборосе, кусающем себя за хвост?

– Читал... давно.

– Не есть ли эта легенда отражение реальной Числовселенной?

Саблин молчал. Вопросы Валентина Дмитриевича, а точнее – ДД, сидящего в его сознании, были настолько необычными, что ответить на них не мог и Прохор.

Гость снова пожевал губами, разглядывая хозяина блестящими карими глазами, в которых изредка вспыхивали золотые искры, кивнул сам себе.

– Простите старика за теоретические отступления. Как говорится: многия мудрости – многия печали... м-да. Вернёмся к реалиям нашей жизни.

– Подождите, я тут подумал... – Саблин потёр лоб ладонью. – Если говорить о Нуль-мире...

– О Нуль-форме, друг мой, Нуль-мир – фикция, это не какое-то там пространство-время, это *нечто*, не имеющее никаких свойств и протяжённостей и в то же время обладающее бесконечным количеством разных свойств. Если говорить образно – это мир смерти, какое бы понятие кто в него ни вкладывал.

– Как же тогда наши ребята... пройдут через него?

– Это вопрос, – мотнул гость гривой волос. – Переход через Нуль, через Навь, через Бездны доступен, наверно, только мёртвому. Живое и организованное он в себе растворяет.

Вашим друзьям придётся перейти через себя, через жизнь и даже *через смерть*, чтобы Числовселенная открылась им с другой стороны.

– Это... невозможно...

– Не знаю, – развёл руками Валентин Дмитриевич, – но надеюсь, что возможно.

– Чего вы хотите?

По губам гостя промелькнула усмешка.

– Да ничего особенного. Признаюсь вам как на духу: по жизни я жуткий эгоист! Всегда мечтал, чтобы у моих друзей, родственников и детей всё было хорошо... чтобы они не мешали мне жить так, как я хочу, и не просили помощи. Однако такого кайфа судьба мне не предоставила.

Саблин усмехнулся ответно.

– Мне тоже. В нашем одиннадцатом числомире жить спокойно невозможно.

– Жить спокойно невозможно во всех числомирах Вселенной. И это скорее всего правильно, потому что спокойная жизнь ведёт к застою, к вырождению Вселенной.

– Вы хотели перейти от философских к проблемам реальности.

Валентин Дмитриевич бросил взгляд на книжные полки кабинета.

– Удачно переехали?

– Нормально.

– Никаких *шевелений* вокруг вас не происходит?

Саблин вспомнил о нападении кавказцев на байкера.

– Бандитов стало больше... диктуют свои пещерные правила.

– Так везде. Я был у вашего «родственника»...

– У Данияра? – понял Саблин. – Каким образом?

– С ним контактирует Талгат, «родич» нашего Таглиба. У них то же самое – бандитизм вырос стопроцентно, полиция не справляется, а власть подчиняется «засланным казачкам». Но и у них пока тихо в известном смысле, что меня начинает беспокоить. Уж не строят ли Владыки ещё одну меркабу? Они не сидят на месте, наверняка разрабатывают новые планы сменить Богозаконы. Хорошо бы успеть подготовиться к их очередной атаке.

– Мы готовы.

Валентин Дмитриевич нахмурился.

– Не стоит быть таким самонадеянным.

– Я действительно готов, – спокойно сказал Саблин, не обижаясь на упрек гостя. – Мы тоже не сидим на месте. Даже моя жена овладела формотрансом. Застать нас врасплох невозможно. Кое-кто из спецназа местной полиции нам сочувствует. Надеюсь, и у моего «родича» Данияра тоже есть соратники. Появятся Охотники или агенты Владык, мы их встретим.

Валентин Дмитриевич качнул головой.

– Ждать атаки – не панацея, мы по-прежнему отстаём от Владык на шаг. Надо не ждать появления их операторов, надо действовать самим. Во втором числомире собирают меркабу, и это хорошо, она нам пригодится. Но и вам тоже надо действовать.

– Что вы предлагаете?

– Надо помочь вашим заблудившимся друзьям вернуться.

– Как?! – изумился Саблин. – Умереть, что ли?

– Умереть мы всегда успеем. Попробуйте найти «родича» Прохора, который рискнул бы нырнуть в Бездны и поискать своего трансперсонального «брата».

– Зачем искать Прохора? А мы на что?

– Вы не сможете искать ушедших, так же как и я, нужен именно Прохор, носитель родовой линии всех Прохоров. Только он может нащупать в «ничто и нигде» душу «родича». Ни вы, ни я сделать этого просто не в состоянии.

– Дьявольщина!

– Вы поняли?

– Но... мы же не знаем точно... пошли наши ребята в Нуль-мир или нет... и даже если пошли, вы же сами сказали – хаос их растворит...

– Кто знает? – сделался задумчивым Валентин Дмитриевич. – Шанс у них есть.

– Почему вы так решили?

– Потому что я послал в Первомир зонд, и мне удалось поймать эхо-сигнал оттуда.

– Зонд? – недоверчиво осведомился Саблин. – Разве мы можем посылать какие-то зонды в другие числомиры?

– Физически плотные – не можем, – согласился Валентин Дмитриевич. – Так называемые информационно-семантические – можем. По сути, это не зонд, конечно, а... душа умершего человека. Это получилось случайно, долго рассказывать, этот человек – формонавт, я с ним летел вместе в самолёте, погиб на моих глазах, его душа ушла в Навь... и на короткое время вернулась обратно... я успел её просканировать... – Валентин Дмитриевич поморщился. – Незабываемые ощущения... В общем, ПСС этого человека вернулась в тело, где в этот момент был я, и я успел кое-что уловить.

Саблин раздул ноздри.

– Вы говорите... чудовищные вещи!

Гость не обратил внимания на его реплику.

– Поэтому кое-какая информация о пропавших у меня есть. Похоже, они действительно рискнули уйти в Навь, чтобы пройти Бездны и вернуться к нам «через хвост Уробороса к его голове».

– С ума сойти!.. Извините... Но они всё равно растворятся... в нигде...

– В этом «нигде» спонтанно возникают комбинации плотных псевдомиров, так называемые квазиустойчивые энергоинформационные резонансы, «острова псевдостабильности», так сказать. Если нашей четвёрке «умерших» удастся наткнуться на такой «остров», они сохранят свои личности. И вот тут бы протянуть им руку помощи...

– Я понял! Это может сделать Прохор... то есть кто-нибудь из его трансперсональников.

– Совершенно верно. Сможете найти кандидатуру?

– Во всяком случае, попытаюсь. Но допустим, мы найдём такого идио... человека... как-то уговорим... вытащим наших... а дальше? Владыки всё равно будут стремиться подчинить себе все миры.

– А дальше надо будет закрыть им и их агентам доступ из Бездн в миры первой сотни чисел. Для чего и сгодится меркаба. Но сначала давайте вернём наших друзей, а заодно и проверим свои силы. Я занимаюсь этим всё время, подсоединяйтесь, пора наступать. После того как вернутся ушедшие, займёмся Администраторами Владык, исполняющими все их приказы и внедряющими на Земле теорию управляемого хаоса.

Валентин Дмитриевич встал.

Саблин с запозданием вскочил вслед за ним.

– Останетесь?

– Нет, благодарю, я у вас проездом, меня ждёт машина.

– И вы специально ехали из Новосибирска, чтобы поговорить со мной?

– Не из Новосибирска, из Москвы летел, и не я, а он, – с улыбкой указал на себя пальцем гость. – Хорошо, что он мой родной брат, проникся важностью контакта. Сейчас он едет в «Марьин остров», ему там понравилось в прошлом году. Ваша сестра по-прежнему заведует пансионатом?

– Да, она сейчас там, могу позвонить.

– Не стоит беспокоить, потребуется, я сам с ней встречу, она должна была меня запомнить. Жене спасибо за кофе.

Саблин проводил гостя до калитки.

– Подождите секунду... вспомнил... я копался недавно в компьютере Прохора, надеялся найти хоть какую-нибудь подсказку, где его искать... так вот, он оставил записи о посещениях некоторых «родичей».

– Это он погорячился. Компьютер подключён к Сети?

– Нет, для работы в Сети я пользуюсь своим.

– Правильно, подключённый комп можно просканировать с удалённого доступа и скачать всю инфу.

– Я знаю. Так вот он упоминал несколько «родичей», у которых задерживался на какое-то время либо из-за экзотики миров, либо из-за самих «родственников». Двух я запомнил – Прохора-44 и Прохора-222. Очень интересные фигуры.

– Сможете их навестить?

– Попробую... если найду там своих собственных «братьев».

– Удачи.

Саблин пожал руку гостю, проводил взглядом до машины напротив дома: брата ДД ждал внедорожник «Тойота Клуб» с включёнными подфарниками, – и вернулся в дом.

– Чего он хотел? – встретила мужа Варя.

Саблин взял её за плечи, заглянул в глаза.

– Нас ждут непростые времена, выдержишь?

– С тобой – выдержу! – ответила она.

И снова «старые клячи»

Волков приехал не один. С ним было двое пожилых мужчин, которых он ласково называл «клячами». Оба работали когда-то в спецслужбах разного назначения, имели большой опыт в делах контрразведки и разведки и могли вычислить любого непрошеного гостя, появившись такой в Ергаках. Одного звали Анатолий Иосифович (Волков звал его Ёсипычем), другого – Робертом Салтановичем (Боб или Царь Салтан). Обоих прозвища устраивали, судя по их реакции.

Ёсипыч был коротышом-шатеном: нос картошкой, рыжая борода, руки до колен – чистый гном в описании Толкина.

Царь Салтан выглядел добродушным увальнем, у него были литовско-белорусские корни, и в молодости он должен был весьма нравиться женщинам. Впрочем, он и сейчас, в свои шестьдесят с хвостиком, выглядел хорошо. При этом Роберт Салтанович великолепно владел рукопашкой, как убедился Саблин впоследствии, исповедуя так называемое литовское карате – ягайлики, смесь бокса и джиу-джитсу.

Где они работали в прошлом, кому служили, Волков не сказал, а Данияр не поинтересовался. Главное, что «клячи» согласились участвовать в авантюре под названием «война с Владыками» и лишних вопросов не задавали. Расположились они как туристы в одном из освободившихся домиков посёлка и сразу исчезли.

– Они будут рядом, – сказал Волков, – поставят палатку на берегу озера и в любой момент появятся здесь. Я тоже не буду сидеть на одном месте. Под Абаканом формируется центр боевого применения гражданской авиации, а при нём – база подготовки инструкторов по армейской рукопашке на основе БГ «Спираль». Наверно, слышали, что это такое.

Саблин кивнул. Гимнастика «Спираль» была разработана ветеранами боевых действий в Чечне на основе «барса» – боевой армейской системы рукопашного боя, дополненной принципами биомеханики, учитывающими скручивание тела бойца, которое превращается таким образом в оружие. Он и сам практиковал «Спираль» и даже давал некоторые элементы гимнастики, когда тренировал молодых парней в Суздале, а потом в Вологде. По сути, «Спираль» была не просто методикой обучения элементарному мордобою, а системой комплексного развития человека.

– В общем, мы все будем в шаговой доступности, – закончил бывший полковник ГРУ. – Ещё Саша Торопов может присоединиться и Веня Бузько, люди проверенные. Охотники не появлялись?

– Пока нет, – расправил плечи Саблин, заряженный энергией ветерана спецслужб.

– Чем занимаетесь?

– Обживаемся. Учимся. Тренируемся.

Данияр вспомнил, как в мае, когда на склонах гор и в долинах Ергаков ещё лежал снег, он, обучая Валерию формотрансу, превратил метровый слой снега на крутом склоне ручья, впадающего в озеро Горных Духов, сначала в слиток льда длиной в два десятка метров, а потом в жидкую воду, которая ринулась со склона вниз и едва не утопила учителя и ученицу.

– Захотите – и вас научу некоторым формоприёмчикам.

– Мы люди простые, – почти улыбнулся Сергей Николаевич, – в такие игры не играем.

– Это не игры, почти мгновенное изменение формы объектов – оружие. Пусть экзотическое, согласен, но очень эффективное.

– Может быть, покажете позже. Для нас работа найдётся? Без этих ваших... формоприёмчиков? – Волков снова наметил улыбку. Смеяться он, видимо, не умел вовсе.

– Да, есть одна проблема. Надо собрать меркабу.

– Что? Ах да... вы её забрали. Но я не математик и не инженер, я разведчик. И мои «клячи» тоже не имеют отношения к математике.

– К сожалению, я в таком же положении, а эту штуковину собрать надо и оживить во что бы то ни стало. Может, поищите специалистов среди своих?

Волков задумался.

Беседовали в крохотной гостиной Саблина, и гость то и дело бросал взгляды на дверь спальни, где лежали Прохор и Устя. Однако просить разрешения посмотреть на них полковник не стал.

– Сразу не отвечу. Кто нужен конкретно?

– Классный геометр, математик, может быть, художник или архитектор, да и механик-инженер не помешал бы. Но искать надо тихо и полагаться только на проверенных людей, которые умеют держать язык за зубами.

– Чего ж не понять, и к бабке ходить не надо, – проворчал Сергей Николаевич, невысокого роста, плотный, с жёстким каменным лицом, обожжённым загаром аравийских и египетских пустынь. – Придётся смотаться в Новосибирск.

– А что там?

– Там университет, научный городок... плюс база ГРУ.

– Понял, поезжайте, хотя приказывать вам я не имею ни прав, ни полномочий. Зато о средствах можете не беспокоиться, я дам вам «визу» с хорошей суммой на предъявителя и немного наличных.

– Благодарю, с деньгами у нас хреновато, несмотря на мою полковничью пенсию.

На том и расстались.

Волков на следующий день уехал, его соратники устроились на берегу озера в палатке, как и планировали, а Саблин, помня свои обязательства, продолжил ухаживать за телами формонавтов и тренировать Валерию, вошедшую во вкус. Случай с пещерой, где их едва не засыпало, и благополучное освобождение подействовали на неё позитивно. Она поверила наконец в свои «колдовские» силы и всегда теперь носила с собой эргион, способствующий синхронизации всех биополей человека с природными полями.

Занимались формотрансом, пользуясь каждой свободной минутой. Переформатировали все мелкие предметы в доме, от расчёсок и зубных щёток до чашек, ложек и ножей. В среду, после отъезда Волкова, прогулялись по долине вокруг озера и наткнулись на муравейник в лесу.

День выдался хмурым, солнце не показывалось из-за туч с утра, но дождя не было, и муравьи хлопотали всюю, осваивая территорию.

– О, идея! – оживился Саблин. – Что если отформатировать эту кучу?

Муравейник имел внушительные размеры – больше метра в высоту и около двух в диаметре основания, муравьи кишели вокруг в огромном количестве. Стоять спокойно рядом с ним было невозможно, муравьи то и дело норовили взобраться на ботинки людей и выше.

– Как ты его хочешь отформатировать? – не поняла Валерия.

– Прохор в Вологде с помощью меркабы превратил мэра в кучу тараканов. Потом он и ДД в образе Фуркада вернули мэру прежний облик. – Саблин улыбнулся, вспоминая этот случай. – Было круто! Вот и я хочу проверить, есть ли у муравьёв формоспектр.

– А вдруг они...

– Что?

– Бросятся на нас! Или умрут.

– Мы же не сжечь их собираемся. Конечно, каждый живой объект должен иметь форму, при которой он не сможет сохранять жизнеспособность, но я не хочу никого убивать. Давай попробуем, на пару шагов вперёд и назад. Рискнёшь?

– Нет! – почему-то испугалась Лера. – Я боюсь! Лучше ты.

– Трусиха, – рассмеялся Данияр. – Смотри и учись.

Эргион, согретый ладонью, «шевелинулся».

Муравейник накрыла вуаль струящегося воздуха. Не очень правильный конус его заколебался и стал идеальным тетраэдром с точки зрения геометрии, но не гладким, а колюче-пушистым. Все сосновые иголки, щепочки, прутики, песчинки и былинки, из чего был сделан муравейник, изменили форму, стали правильными цилиндриками, кубиками и многогранниками, словно детали какого-то миниатюрного конструктора, а наиболее тонкие палочки усеяли тетраэдр с внешней стороны направленными вовне колючками.

Изменились и сами муравьи, но не фатально, остались насекомыми с длинными и тонкими гофрированными телами.

Жизнь внутри муравейника и вокруг него замерла. «Отформатированные» насекомые застыли, переживая, наверно, самый настоящий стресс, и лишь муравьи, не попавшие под формоимпульс, продолжали суетиться на периферии своих владений.

– Червяки? – удивилась Валерия. – Они превратились в червяков?

– Это не совсем черви, видишь, какие у них головы? Интересно, что будет дальше?

Второй формопреобразующий «выстрел» превратил колючий тетраэдр в куб, а муравьёв – в единую коричневую сеть, пронизывающую куб и оплетающую все его грани. Со стороны эта сеточка напоминала разросшуюся ветвь лишайника, а также сеть кровеносных сосудов на теле человека. Да и цвет имела ярко-алый.

– Ужас! – передёрнула плечами женщина. – Прекрати издеваться над мирными тружениками!

– Я не издеваюсь, я экспериментирую. Надо же знать, чем закончится трансформация насекомых. Ещё шажочек...

Муравейник превратился в многогранник... и тут же осел, рассыпался кучей праха.

Но «муравьиный лишайник» постигла иная участь. Он остался сетчато-объёмной конструкцией, корявым подобием многогранника, объединившего муравьёв как тело клетки. При этом из всех выпуклых его элементов «сети» вылезли лапки-членики, превращая невообразимую живую конструкцию в некий организм.

Этот организм качнулся туда-сюда, словно пребывая в растерянности, и покатился-пополз к замершим экспериментаторам.

Взвизгнула Валерия, хватаясь за локоть мужа.

Саблин потянулся за ножом, но опомнился, мысленно сформулировал эргиону задачу вернуть объекту прежнюю форму.

Куча пыли-трухи, в которую превратился муравейник, попытался восстановиться, но снова осела конусом иголок-прутиков. Его форма дошла до конца формоспектра и восстановить первоначальный конус не смогла.

Живой многогранник, объединивший муравьёв в организм, распался на «червей», которые в свою очередь трансформировались в насекомых ползающих. Правда, муравьями назвать их было уже нельзя, и даже дипломированный инсектолог вряд ли смог бы определить, к какому виду они принадлежат.

– Финита ля комедия, – сказал Саблин, отступая, отнюдь не разочарованный экспериментом. – Уходим.

– А... они? – с дрожью в голосе спросила Валерия.

– Опомнятся, построят новый муравейник.

– Но они... не похожи...

– Да, они теперь больше похожи на термитов, но ведь и термиты строят свои дома так же, как муравьи. Всё, не заморачивайся, это послужит мне уроком. Не всё живое восстанавливается после формотрансформации.

В этот день они больше никого не «форматировали», хотя у Саблина и зрело желание поэкспериментировать на более серьёзных биологических объектах. Он видел в окрестностях озера белок, бурундуков и лося.

Взобрались на горку, с которой открылся великолепный вид на долину с озером и на скалы вокруг. Выглянуло на миг солнце, пейзаж волшебным образом изменился, заиграл летними красками. Особенно красиво выглядел луг между каменными склонами, покрытый цветочным ковром самых разных оттенков.

– Ух ты, крыльев не хватает! – раскинул руки Саблин, словно собираясь взлететь. – Помнишь русскую поговорку? В березняке – жениться, в сосняке – веселиться, в ельнике – удузиться. Ей не хватает присказки: в горах – летать!

Валерия не ответила. Она жила глазами, растворяясь в тишине горного массива, и не слышала ничего, кроме своих восторженных ощущений.

Превратив несколько камней в кучи песка и пыли – через «огранку» их от тетраэдров до заковыристых многогранников, и с десятков растений от живокости до ергакского борца с его крупными тёмно-синими цветами в непонятные колючие сплетения, тренер и его ученица вернулись домой.

Костя и Валентин резались в «чапаева», одетые в легкомысленные майки и шорты. Они уже настолько вошли в роль туристов, что не мыслили иной жизни.

В спальне ничего не изменилось. Прохор и Устя по-прежнему не подавали признаков активной жизни. Где в данный момент находились их «души», в каких телах, в каких пространствах, и сохранились ли они как пси-энергетические слепки личностей, можно было только гадать. И даже вездесущий ДД, прошедший огни и воды, исколесивший чуть ли не все числомиры вплоть до немыслимых Бездн, не знал точно, что произошло в Первомире, где теперь «мыслящие сгустки» формонавтов.

Пообедали. Саблин обсудил с охранниками план действий на следующий день и подсел к компьютеру. Но его отвлек «родич» – Саблин-одиннадцатый, вынырнувший в голове, как поплавок из воды.

«Салют, камрад! Можно с тобой пообщаться?»

«Заходи, – обрадовался Данияр. – Давно не слышались. Что нового? Надеюсь, ты ко мне не с дурными новостями заявился?»

«Смотря что подразумевать под дурными новостями. У меня был ДД».

«Только что его вспоминал. Сам, лично?»

«Нет, в теле брата, уговорил его посетить Чемал, и Валентин Дмитриевич рванул к нам аж из Москвы».

«Чего он хотел?»

«Во-первых, посоветовал как можно быстрее собрать меркабу. Это невероятно мощный энергоинформационный преобразователь, усилитель пси-полей и прочая».

«Меня не надо уговаривать, я сам в этом заинтересован и уже сориентировал Волкова. Полковник найдёт в ближайшее время надежных специалистов. Если получится собрать, можно будет долбануть стенку между нашим превалитетом и Первомиром. Если пробьёмся туда – сразу узнаем, где наши ребята».

«Если да если... если бы да кабы, да росли бы во рту грибы. Сомневаюсь, что нам удастся пробить мембрану числоперехода, это ведь не бетонная стена и не физическое поле, это закон, вмороженный в Числовселенную Творцом, фильтр божественной этики, высшей справедливости».

«Что ж, мы так и будем ждать, пока наши вернутся? Или пока Владыки не выдумают новый способ изменить программу-матрицу Мироздания в Первомире?»

«Никто не говорит насчёт сидеть и ждать. ДД предлагает с помощью меркабы найти и уничтожить Администраторов, реализующих замыслы Владык через всемирную чиновничью рать. А потом добраться и до них самих».

«Это другое дело, я «за»!»

«Теперь о главном. ДД предложил найти Прохора в чередё числомиров, который согласился бы поискать наших Прохоров, одиннадцатого и второго, в Безднах».

Данияр присвистнул.

«Ты что, серьёзно?»

«Более чем, идея очень перспективная. Лишь кто-то из Прохоров Смирновых может нырнуть в Бездны, не сходя со своей трансперсональной линии, так сказать, не сходя с поезда, нам это сделать не удастся».

«Честно говоря, я об этом не думал, хотя наступившее затишье мне активно не нравится. Владыки наверняка готовят очередную пакость».

«ДД прав, с ними надо разбираться по-крупному и на их же территории, а не отбивать атаки их клевретов в наших краях. Надо начинать просчитывать свои операции. Что касается Прохора...»

«Как ты собираешься его искать? Перескочить в голову одного из наших и просматривать каждого последующего?»

«Этот способ поисков рискован, существует вероятность того, что чужая родовая линия сбросит вселившегося, и ему, то есть нам, будет кирдык. Хотя опять же, если мы не найдём иные способы, придётся пойти и на этот шаг. Но у меня есть другое предложение. Я просматривал файлы Прохорова компа и нашёл записи, оставленные им после прогулок по числомирам».

«Ты мне рассказывал».

«С десятков встреч со своими «родичами» он описал. Два из них привлекли моё внимание: сорок четвёртый и двести двадцать второй. Давай вместе сбегать в эти превалитеты и поговорим с тамошними Прохорами».

«Каким образом? Вселимся в вашего Прохора? Или в нашего?»

«Найдём *нашего* персонального «родственничка», Саблина-44».

«А если они не знакомы?»

«Какая разница, знакомы или нет? Познакомимся. Заставим «братца» найти сорок четвёртого Прохора, и он это сделает, даже если живёт в другом городе».

Данияр попытался отыскать в идее Саблина-11 какие-либо изъяны.

«ДД предупреждал нас, чтобы мы не давили на психику «родичей», с ними надо договариваться, чтобы не подставить людей».

«Договоримся».

«В принципе, почему бы и нет? Ты прямо сейчас хочешь отправиться в путь?»

«У нас глубокий вечер, я мог бы и сейчас».

«У нас послеобеденное время, дай мне полчаса на сборы и пойдём».

«Заходи». Данимир вытащил «щупальце мысли» из головы «брата».

Данияр посидел в задумчивости несколько секунд, прокручивая в голове состоявшийся мысленный разговор, встряхнулся и отправился искать Валерию.

Жена восприняла предложение «родича» мужа настороженно.

— А это не опасно?

— Не более опасно, чем любой другой поход по оси «Ч», — ответил Данияр, научившийся ходить по этой самой оси «Ч», как за угол в аптеку. — Мы же не собираемся выходить на тропу войны с Охотниками.

Он предупредил Валентина, что хочет погулять по числомирам вместе с «родичем» из одиннадцатого превалитета, прилёг на диванчик в общей комнатухе, игравшей роль гостиной, и согрёл в ладони эргион.

Глаза закрылись, на душу, как всегда, снизошло умиротворение. Область тишины стремительно прянула во все стороны, все ощущения разом пропали, он ослеп и оглох одновременно, упал в безмерно глубокий колодец, соединявший числомиры и психосоматические контуры-души всех Саблиных, проживающих в мирах, структурированных числами.

Привычка считать переходы из мира в мир, как он это делал в самом начале «хождений за углы времён», ещё давала о себе знать, и первые переходы он посчитал – будто прошёл-кал пальцами костяшки счетов: третий Саблин – объездчик лошадей, четвёртый – охотник, пятый – водила-таксист, шестой – бизнесмен и неплохой спортсмен-баскетболист... оставшиеся пролетели мимо – и одновременно сквозь него – пулемётной очередью, пока Данимир не проявился в голове Саблина-одиннадцатого.

«Вот и я, не помешал?»

Данимир лежал и читал книгу. Свет настольной лампы был направлен на страницы книги, поэтому остальное пространство комнаты было заштриховано полумраком.

«Как всегда, чую запах серы, – пошутил Данимир, откладывая книгу, глянул на часы, выключил лампу. Комнату объяла полная темнота. – Задача понятна?»

«Понятна. Ты где сейчас?»

«Дома, то есть не у себя, это коттедж сына Аллы, но можно считать – это теперь мой дом. Не знаю только, надолго ли».

«Где Варвара?»

«Возится внизу, на первом этаже, я прилёг в кабинете Андрея. Она у меня такой молодец! Даже не ожидал. Только изредка бунтует, когда вожжа под хвост попадает, как говорил мой дед».

«Моя такая же. Они лидерши по натуре, а вынуждены подчиняться мужикам».

«Тайфуны с ласковыми именами».

«Похоже. Цепляйся, я буду ведущим».

Данияр послушно «вцепился» «руками» в нематериально-призрачный, но ощутимый на уровне личностного восприятия торс Данимира, и они нырнули в тот же колодец-тоннель, ставший абсолютно обыденным приспособлением для числопутешествий.

Саблин-одиннадцатый не считал переходы из мира в мир. Он знал какой-то способ останавливаться точно в том «родиче», который был нужен. Не успел Данияр «глазом моргнуть», как впереди, в конце тоннеля, вспыхнуло световое колечко, скачком обняло путешественников, и «связка душ» Саблиных вылетела в пространство сознания Саблина-сорок четвёртого.

Если число 40 в эзотерической традиции считается числом абсолютной законченности, завершённости и выражает путешествие человека к Истине и к Богу, то число 44 таковые свойства проявляло иначе, хотя состояло из двух четвёрок, каждая из которых представляла идею божественного творчества, первый акт Творения.

В аспекте природном четвёрка – тетрада – олицетворяет совокупность космических стихий, создающих материальный мир: твердь, воду, воздух и огонь. В аспекте человеческом она символизирует четыре низших тела (физическое, эфирное, астральное и ментальное) и четыре типа темперамента.

Сущность тетрады и её назначение – быть статической *целостностью*, проявлением идеальной устойчивой структуры Мироздания, корнем всех вещей, источником Природы и наиболее совершенным из чисел. Недаром графически четвёрка приравнивается к квадрату, а её геометрическим изображением считаются тетраэдр – четырёхгранная пирамида, явля-

ющаяся первообъёмом, и крест – как символ космического равновесия, пересечения духа и материи.

Каббалистическая традиция связывает с тетрадой такие свойства, как устойчивость и милосердие, подчёркивая, что она гармонически объединяет противоположные понятия и качества, например, дух и материю, движение и покой, гармонию и хаос, прочность и зыбкость.

Но это – одна тетрада.

Мир же Саблина-44 формировался *двумя* четвёрками и являл собой весьма противоречивую материальную конфигурацию, где все положительные качества тетрады и все её противоположности увеличивались вдвое. Гости «брата во числе» убедились в этом на примере жизни сорок четвёртого «родственника».

Он служил в каком-то спецназе.

Когда в его голове выплыли Саблины, «родич» (здесь его звали Даныбаем, и фамилию он носил Шаблюка) готовился к какой-то операции в составе группы численностью в полтора десятка бойцов.

Дело происходило в помещении неизвестной базы, где бойцам раздавали комбинезоны и оружие.

Даныбай переодевался быстро, заученными движениями, натягивал чёрный, с матовыми серыми вставками, комбинезон, заполнял его карманы и держатели странного вида оружием и приспособлениями. Полностью одетый, он напоминал современного ниндзя, судя по строящимся перед ним товарищам. Единственное, что отличало его от остальных, – наличие компактной, суперсовременной винтовки.

В другое время Данияр, ценитель оружия, непременно обратил бы на винтовку внимание, такой «растопырчатой» и необычной она показалась. Но сейчас было не до того, ситуация развивалась стремительно, и отвлекаться на изучение несущественных деталей происходящего, с риском обнаружить себя, не следовало.

Команда Даныбая погрузилась в чрево вертолёт, окрашенного в фиолетовый цвет, во дворе какого-то здания, в котором светился ряд окон на верхнем этаже, вертолёт взлетел почти бесшумно, его винты не издавали такого гула и рокота, к каким привык Данияр.

Под вертолётном распахнулся городской ландшафт, узнать который было трудно, так как в городе были освещены только улицы, редкие площади и набережные какой-то реки. И лишь когда носитель Саблиных глянул в окошко отсека, стали видны башни Кремля, освещённые густым оранжевым светом. Это была Москва, но отличавшаяся от той Москвы, которую знали Данияр и Данимир.

Вертолёт вильнул, понёсся к Кремлю. Это был единственный освещённый архитектурный комплекс на всю столицу, что говорило о многом.

Винтокрылая машина нырнула к Боровицкой – судя по очертаниям – башне Кремля, словно собиралась её протаранить, однако каким-то чудом обогнула башню и с размаху приземлилась на травяной газон между зубчатой стеной и трёхэтажным зданием, слегка похожим на здание Сенатского дворца, которое знал Данияр. Дверцы отсека летающей машины раздвинулись, бойцы отряда посыпались на посадочную площадку и начали разбегаться по двое или по трое в разные стороны.

Саблин-44 тоже побежал с напарником, но не к стене и не к зданиям на территории Кремля, а к ближайшей башне, похожей на Никольскую.

Кто-то, плохо видимый в сумраке нависшего козырька, открыл им дверь, и бойцы помчались по винтовой лестнице вверх, пока не взобрались под пирамидальную крышу башни. Её маковка имела бойницы, смотрящие на четыре стороны света, и днём отсюда открывался, наверно, красивый вид на реку. Однако ночь и плохое освещение города не давали «гостям» возможности полюбоваться столицей, а хозяин – Даныбай таковых наме-

рений не имел. Он выглянул через бойницу на территорию Кремля, быстро установил винтовку, направив ствол на то место, где только что стоял вертолёт. Видимо, пока бойцы занимали позиции, вертолёт улетел.

Спутник Даныбая щелчком придвинул к губам усик микрофона.

– Мы на месте.

Что ему ответили, услышать не удалось.

Парень достал бинокль, поворачивал им из стороны в сторону, разглядывая Кремль, потом развернул на тыльной стороне планшетник и стал тыкать в него пальцем.

Даныбай прицелился к прицелу винтовки, прищурил левый глаз.

Вертолётная площадка прыгнула навстречу, окрашиваясь в голубоватый цвет, стали видны следы от посадочных опор вертолёта, травинки и камешки.

Даныбай замер. Время словно остановилось.

Что происходило, почему спецгруппу Даныбая перебросили в Кремль, было непонятно, но Данияр не рискнул выйти в поле памяти «родича» и узнать всё через его мысли. Ясно было, что подразделение спецназа выполняло какое-то задание высшего руководства страны, и если в этот момент «гости» вдруг вышли бы на пси-контакт с «родичем», он вполне мог провалить задание.

«Уходим», – пискнуло «в ухе» Данияра.

Ответить он не успел, сознание на мгновение вырубилось, началось *скольжение* сквозь *ничто* «во все стороны сразу», это ощущение сменилось чувством взлёта, и Данияр выпал в голову Данимира вместе с ним.

«Чёрт! – ошеломлённо взорвался он. – В чём дело?! Почему ты вернулся?»

«Остынь, шпион, – хмыкнул Данимир снисходительно. – Это же не кино. Нечаянно «шевелинёмся», и парня кондрашка хватит!»

«Хотелось бы досмотреть, что всё это значит, – разочарованно и смущённо проворчал Данияр, расслабляясь. – Десант в Кремль – это же обалдеть!»

«У них свои законы, социум мира-44 и должен отличаться от наших. Ясно, что Саблин-44 имеется, это уже хорошо. Ясно, что он крутой спецназовец, снайпер, и это тоже хорошо. Предлагаю подождать до утра, когда операция уже закончится, и снова выйти на него, объяснить ситуацию. У таких крутых мужиков нервы крепкие, он не шизанётся».

«Зачем их туда бросили, как думаешь?»

«Не знаю, может быть, чтобы прикрыть прибытие какого-нибудь VIP-лица, к примеру, президента. Либо обезопасить его встречу с кем-то из прилетающих. Мне это не интересно, у нас другая задача».

Данияр сдержал разочарование.

«Ладно, я пошёл, найдёшь меня, когда надумаешь вернуться к сорок четвёртому».

«Давай махнём к двести двадцать второму».

«Иди один, если хочешь, я отдохну».

«Обиделся?»

«За кого ты меня принимаешь? Я такой же, как и ты. Как говорил один политик: мне столько всего надо сделать, что лучше я пойду спать».

Данимир развеселился.

«Это правильное решение. Хорошо ничего не делать, а потом отдохнуть. Жди, я тебя разбужу завтра».

Данияр нырнул в тоннель числоперехода, и мыслеголос «родича» растворился в тишине.

В своё тело он вонзился как пуля в кирпич, открыл глаза.

Валерия радостно чмокнула его в щёку, подала стакан воды. Похоже, она пришла, когда он «ушёл», и осталась ждать.

– Вернулся! Ах ты, мой хороший!

Данияр отпил полстакана чистой холодной воды.

– Сколько я отсутствовал?

– Больше часа.

– Странно, мне показалось, что мы были в гостях минут десять, не больше. Неужели там время течёт медленнее?

– У кого в гостях вы были?

– У Саблина-44, там его зовут Даныбаем, и он снайпер, служит в каком-то крутом спецназе. Как там наши спящие?

– Нормально, спят.

– Ладно, сбегаю под душ, и поговорим.

Вечер прошёл в мелких хлопотах и разговорах с Костей, Валентином и Валерией.

Позвонил Волков, пообещал на следующий день привезти «специалиста по геометрии», как он выразился.

«Клячи» – Ёсипыч и Царь Салтан – тихо сидели в палатке у озера, в посёлке не показывались, кося под туристов. Саблин сам сходил к ним, пообщался, попил чаю с обоими, поговорил о политике: Ёсипыч следил за изменчивой политической ситуацией в стране и в мире, хорошо знал многих высокопоставленных деятелей, – и лёг спать, не дождавшись выхода Данимира.

* * *

«Брат» появился в половине шестого утра, когда Саблин ещё досматривал какой-то суеусливый незапомнившийся сон.

«Вставай, лежебока!»

«Почём ты знаешь, что я сплю? – проворчал Данияр. – Может, я размышляю о вечном».

«Чую я, как ты размышляешь. Собирайся, пойдём к сорок четвёртому. В отличие от тебя я почти не спал».

«Интересно, почему?»

«Сходил к Саблину-222, посмотрел, чем он дышит, как живёт, чем занят. Угадай, кто он».

«Неужели бандит?»

«Хуже, он сотрудник частной конторы на службе у полиции. Контора называется «Финт ушами» и занимается подставами».

«Не понял, какими подставами? Машины подставляет, что ли, а потом с лохов дань собирает?»

«Нет, их работа поинтересней. Американская полиция как-то занималась тем, что посылала агентов-девчат в криминогенные районы крупных городов, и когда на них клевали местные петухи, ловила любителей секса. Так вот в двести двадцать втором превалитете почти такая же схема реализована в России. Хотя там нашу страну называют чуточку иначе – Белой Ордой».

«Круто!»

«Круче некуда. В общем, наш «родственничек» по имени – никогда не угадаешь! – Толенди гуляет по беспокойным районам столицы и ждёт нападения. Особенно плохи дела там в южных районах Москвы, где окопались тысячи мигрантов-нелегалов из Таджикистана, Узбекистана и Молдавии. Молдавия там – Молдурумуния. Образовались целые «кочевые табор-тауны», власть не справляется с этой криминальной стихией либо не хочет справляться. Вот наш «братец» и зарабатывает на жизнь таким путём. Его резали, били, жгли даже, дважды стреляли, в общем, героический парень. Кстати, кончил какой-то Ахтанский

госуниверситет, зоолог по образованию. Но самое главное, что никакого Прохора Смирнова он не знает».

«Так, может, и сорок четвёртый не знает».

«А вот сорок четвёртый знает. Я был у него полчаса назад. Операция закончилась, он вернулся в расположение спецчасти, принадлежащей КГБ, и собирался с кем-то пообедать».

«КГБ? Не ФСБ?»

«У них эта служба называется – Комитет гражданской безопасности».

«Что за операция проводилась?»

«Не поверишь: наш президент, вернее, их президент принимал какого-то арабского барона, контролирующего весь наркотрафик Аравийского полуострова!»

«Ни фиги себе! Как такое возможно?! Это же... преступление!»

«Они вообще живут странно, всё находится в частных руках, от предприятий оборонки и до космоса, государственной осталась лишь граница. Даже их Кремль – частное владение и принадлежит в настоящий момент клану правящего президента. Но не суть, нам эти сведения ни к чему. Идём уговаривать «братца?»»

«Только предупрежу Лерку, не уходи».

«Мне тоже надо отлучиться на пять минут по надобности, заходи сам».

Данимир исчез.

Данияр натянул спортивные штаны, нашёл жену, мывшую полы на кухне, обнял.

– Доброе утро, ранняя пташка. Я отлучусь на часок, побудешь на стрёме?

Валерия ответила на поцелуй.

– Далеко собрался?

– К одиннадцатому, идём с ним в гости к сорок четвёртому.

– Вы же ходили недавно.

– На пару минут, а теперь идём на переговоры. – Саблин чмокнул Валерию в шею и убежал в гостиную, улёгся.

Пролетев «десяток этажей» виртуальной шахты, «душа» Данияра нашла сферу сознания «родича» из одиннадцатого превапитета и застряла в его голове.

«Я готов».

«Я тоже, поехали».

«Я могу вмешиваться в беседу?»

«После того, как я начну разговор».

«Понял».

Перед глазами Саблина-11 сгустилась темнота. Перестал что-либо видеть и Данияр. Но «падение в темноту» длилось недолго, и оба тихо-тихо, не раскрываясь, «проросли» в голове Саблина-44, Даныбая Шаблюки.

Снайпер сидел в ресторане с двумя рослыми парнями в легкомысленных футболках синего и чёрного цвета, с изображениями ядерного взрыва – на чёрной и красного медведя – на синей. Кроме парней, за столом сидела симпатичная блондинка, державшая в пальцах нечто, напоминающее сигарету. Впоследствии оказалось, что это официально разрешённый к употреблению в малых концентрациях наркотик, называемый здесь глюйсом. Его пили, курили и ели.

Компания обедала – без вина и прочих алкогольных напитков и вела серьёзную обстоятельную беседу на тему человеческой жестокости и тупости. Говорил белобрысый парень, стриженный «под горшок»: волосы с висков и затылка были удалены до верхней шапки волос. У него были синие глаза, широкие скулы и большие губы. Звали парня необычно – Миранда.

– По статистике ВОЗ, психические расстройства занимают нынче второе место в мире по распространённости. Хотя с виду определить – псих ты или нет, жесток или нет, невозможно.

– А что – первое? – любопытствовала блондинка, выпуская струю дыма; её звали Андрэ.

– Сердечно-сосудистые заболевания.

– Загибаешь, Миранда, – сказал второй парень, брюнет в синей футболке с изображением медведя. – Психов много, но не настолько.

– Ты, Венечка, просто не занимался этими вещами, – сказал Миранда спокойно. – Европа насыщена психами, да и у нас их полно.

– Откуда ты знаешь?

– Я психолог по образованию.

– Тю, какого чёрта ты тогда с нами ляжку тянешь?

– Потому что деньги нужны, психологи не зарабатывают столько. А у меня запросы, девчонок куча. Я месяц проработал в институте судебной психиатрии и знаю, что самые чудовищные преступления совершаются вполне вменяемыми людьми.

– Ну, это не люди, это врождённые подонки, – кивнула Андрэ. – Их никакое лечение или воспитание не изменит. Их отстреливать надо. Лично я знакома с десятком неадекватных уродов, причём потенциально агрессивных и опасных. Никого из них уговорить с помощью сочувствия невозможно, многих это только стимулирует к агрессии. Да и вообще злобных тварей стало больше, вы не замечали?

– Да ладно вам, – лениво отмахнулся парень в синей футболке, – не преувеличивайте. Всегда, во все времена существовал слой людей, которых просто плохо воспитали. Если у тебя быстрые руки – бей таких по морде и дело с концом, если быстрые ноги – беги. Согласен, Дан?

«Родич» Саблиных, прислушивающийся к разговору, отложил вилку, вытер рот салфеткой; он ел что-то очень острое и перчёное.

– Проблема серьёзнее, чем вы себе представляете, господа философы. На уровне высших властных структур поставлена задача вырастить поколение моральных уродов, тупых, агрессивных и злобных, заточенных только на достижение материальной выгоды. Это система, работающая не только у нас, но и во всём мире. Если уж наш президент встречается с явным мафиози...

– Чур, нашу птичку не трогать! – строго сказал Веня.

– Он прав, это не наше дело, – сдвинул брови Миранда.

– Может, и не наше, я просто привёл пример. Во времена Союза такого бы не простили даже генсеку.

– Всё начинается с воспитания детей, – заявила Андрэ, блаженно выдыхая новую струю дыма.

Миранда принялся, поморщился и начал отмахиваться.

– Не дыши на меня, дыши на Веньку, у него в башке одна кость, ему ничего не страшно.

– Какая мысль оригинальная! – восхитился парень в синей футболке, не отреагировав на реплику приятеля; у него были татуировки на обоих предплечьях, изображавшие орлов, несущих в когтях змей.

– А что, разве нет? У меня подруга – училка русской литературы, она в ужасе от того, что предлагают детям издательства ради выручки. Как вам название книги для детей – «Сися»?

– Что, простите? Какая сися? – удивился парень в синей футболке.

– Обыкновенная, женская. Авторы, наслаждаясь, с удивительной простотой описывают женские прелести, доказывая, что «сися – это звучит гордо».

– Класс! Обязательно куплю! Давно мечтал почитать что-либо эротическое.

– Дурак, авторы, да и покупатели этой книги точно нуждаются в услугах профессионального психотерапевта. А так называемые «говённые истории»?

– Это ты о чём?

– По телевиду целая дискуссия развернулась, министры культуры и образования утверждали с пеной у рта, что такие книги обязательно должны читать дети. Приводили примеры.

– Вспомнишь?

– Что тут вспоминать? Только про говно и помнится. Есть такая писательница в Нидерландах – Стальфелт, она написала и издала «Маленькую книжку о какашках».

– Обхохочешься, – хмыкнул Миранда.

– Кроме того, на русский язык перевели культовое эстонское произведение «Какашка и весна» Андруса Кивиряхка. Там у них она – самое продаваемое произведение. И наши литераторы не отстают, Анна Сучкова написала «Приключения Какашки», а Сидор Пнёв издал целый цикл романов под названием «Какин город».

– Да ладно, – не поверил Веня.

– Бред! – сплюнул Миранда.

– Дан, подтверди.

– Анально-фекальная тема популярна во всём мире, – сказал Даныбай и глянул на часы. – Ее навязывают не только в литературе, но и в кино, и, что намного страшней, в Сети. Всё, мне надо бежать на встречу, встретимся вечером.

Он встал, бросил на стол радужную бумажку, стукнул ладонью о подставленные ладони собеседников и вышел, провожаемый задумчивым взглядом блондинки Андрэ.

В чём она сидела, Данияр позже вспомнить не смог.

Ресторан оказался столовой при каком-то гарнизоне, где служил Саблин-44. Он сбежал по ступенькам входа на асфальтовую ленту тротуара, глянул на небо.

Солнце торчало в зените, но почему-то выглядело бледным пятном. И небо здесь было почти белым, с лёгким оттенком голубизны. Это был сорок четвёртый мир, и его физические характеристики уже прилично отличались от параметров Земли более плотных числомиров, в том числе от одиннадцатого и тем более от второго.

Почти не глядя по сторонам, Даныбай направился к двухэтажному особняку казарменного вида, почти спрятанному за шеренгой зелёно-голубых высоких деревьев, похожих на тополя и на туи одновременно.

Данияр хотел напомнить Данимиру, что пришла пора действовать, но тот сам понимал ситуацию.

«Тук-тук, – интеллигентно постучался он в сознание Саблина-44. – Не пугайся и не оглядывайся, зайди куда-нибудь, где можно спокойно поговорить».

Даныбай всё же оглянулся, подозрительно оглядел кусты и деревья, проводил взглядом шагавших по параллельной асфальтовой дорожке парней в камуфляже.

«Нас тоже двое, но это пошли не мы, – тотчас же добавил Данимир. – Никто тебя не разыгрывает. Я заметил беседку, можешь присесть там, наши голоса никто не услышит. И разговаривай мысленно».

– Кто... вы?! – хрипло выговорил Даныбай.

«Если не хочешь, чтобы тебя упекли в психушку, разговаривай мысленно!»

– Какого... – Саблин осекся, с усилием сомкнул челюсти, повторил мысленно: «Какого чёрта? Кто вы? Где вы?!»

«Мы в твоей голове. Не оглядывайся, иди в беседку, мы тебе всё объясним».

Надо признаться, характер у «родича» оказался сильным. Он перестал бросать взгляды по сторонам, направился к новой деревянной беседке с конической крышей, окрашенной в серебристый – под металл – цвет, сел, унимая волнение, сцепил руки.

«Кто вы?»

«Формонавты, – раскрыл себя Данияр, – твои, так сказать, «родственники» по трансперсональной линии, живущие в других числомирах, во втором и одиннадцатом. Ты живёшь в сорок четвёртом».

«Не понимаю...»

«Слушай и не перебивай, – сказал Данимир. – Копи вопросы, начну издалека. Время есть?»

«Подождут».

Данимир начал рассказ о Числовселенной, о числонавтике, формологии и формонавтике, о том, почему к Даныбаю зашли «родичи» из других превалитетов.

Рассказ получился длинным, но Даныбай молчал, слушал, слегка расслабился, осознав, что он не подцепил редкое психическое заболевание. Когда Данимир закончил, он задал лишь один вопрос:

«Что вам от меня нужно?»

Саблины «переглянулись».

«Хорошо держится, – сказал Данияр одобрительно. – Наш человек».

«Наш «братан», – уточнил Данимир. – Ведь куча вопросов в голове: как мы вышли на него, как вообще можно путешествовать по числомирам, а ведь молчит».

«Дан, так ведь тебя зовут приятели? Кстати, нас тоже, для наших друзей мы все Даны. Надеюсь, ты понял ситуацию?»

«Понял... почти».

«Всё так и есть на самом деле, – вмешался Данияр. – Идёт война с Владыками Бездн, и мы оказались на переднем крае».

«Почему же вы не соберётесь и не ввалите этим Владыкам?»

Данимир фыркнул.

«Отличная идея! Мы собираемся это сделать, самим надоело всё время прятаться и бегать от агентов и ищеек Владык. Но сначала мы хотим вызволить наших парней и девчат, застрявших не то в Первомире, не то вообще в Безднах. Помогите нам».

«Что нужно делать?»

«Найти Прохора Смирнова... то есть у вас его фамилия Смирнец, и попробовать уговорить прогуляться по Безднам, поискать своих же «родичей».

«Он не согласится».

«Почему?»

«Он крутой спец, математик, живёт в отдельном коттедже за городом, к нему даже из КГБ генералы сами приезжают».

«Откуда ты его знаешь?»

«Сопровождал как-то к нему мэра Москвы, лет пять назад, там и познакомились».

«Так вы не с детства дружите?» – удивился Данияр.

«Нет, хотя встречаемся регулярно, когда я освобождаюсь от мероприятий. Разговаривали недавно, собирались вместе махнуть на море, у него есть кое-какие идеи».

«Великолепная причина для встречи. Возьмёшь нас с собой? Вместе объясним ему, что хотим предложить».

Даныбай помолчал.

Мысли в его голове судорожно метались, сбивались в стаи вопросов и громоздились горами, чтобы тут же растаять дымом возражений, сомнений и неприятия, но держался он хорошо.

«Прохор – сложный человек... его трудно уговорить... если идея покажется ему неинтересной».

«Попытаемся хотя бы».

Даныбай сдался.

«Поехали».

«Сперва позвони ему, договорись о встрече».

«Я к нему и собирался, никаких договоренностей не требуется».

Носитель Саблиных вышел из беседки, поднёс ко рту руку с браслетом, который оказался коммуникатором наподобие айкома; почти такой же носил сам Данияр. Видимо, технический прогресс сорок четвёртого числомира развивался сходными путями, здесь летали на почти таких же вертолётках, ездили на машинах с двигателями внутреннего сгорания, общались по Сети и с помощью универсальных мобильных гаджетов и ели ту же пищу.

– Дорошенко, дай служебку, – бросил Даныбай в невидимый микрофон браслета.

– Надолго? – осведомился тоненький голосок.

– До вечера.

– Ладно, бери, полковник уехал, никаких распоряжений насчёт транспорта не оставлял.

Даныбай свернул к двухэтажному зданию, действительно оказавшемуся офицерским общежитием, открыл на втором этаже дверь своей квартирki, быстро переоделся (Данияр с интересом рассматривал интерьер, когда позволял поворот головы носителя, но ничего особенного не обнаружил, кроме картин на стенах, вернее, офортов в чёрно-белом исполнении, изображавших несущихся по степям и горам скакунов) и сбежал по лестнице в пустой, не охраняемый никем холл.

Машина – дымчатого цвета «мускулистый» внедорожник, напоминающий «Рэндж-Ровер Спорт», ждал его у ворот базы, с виду тоже неохраняемых. Из кабины выпрыгнул на дорогу молоденький парнишка во всём чёрном, с красными стрелочками по плечам, козырнул.

– Аппарат в порядке, господин капитан.

– Свободен, – сказал Даныбай, занимая место водителя.

Внедорожник заворчал мощным мотором, так что затрясся весь автомобиль, выехал за ворота. Однако стоило ему набрать скорость, как дрожь убралась, и мотор стал работать почти неслышно.

Ни Данияр, ни Данимир не мешали «родичу» действовать, и один раз он даже совсем засомневался в их присутствии, на что Саблин-11 отреагировал с мягким юмором:

«Мы всё ещё здесь, братик, ваши врачи тебе не помогут».

Улицы Москвы-44 поразили «пассажиров» шириной и отсутствием пробок. Машин было достаточно, все – неизвестных марок, расцвеченные десятками световых молний и цепочек, однако развязки на перекрёстках были устроены так грамотно, что не задерживали общее движение транспорта.

«Ну у вас и порядок на дорогах!» – восхитился Данимир.

«У вас не так?» – поинтересовался водитель.

«Москва забита десятибалльными пробками с утра до ночи!»

Даныбай промолчал.

Пересекли столицу с неузнаваемыми комплексами зданий за полчаса, ни разу не стояв на перекрёстках более одной минуты. Выехали за город. Судя по солнцу справа, ехали на юг, но ни одна из улиц родной для Данияра Москвы-2 не была похожа на ту, по какой двигался внедорожник.

«Ленинский проспект?» – на всякий случай спросил Данияр.

«Тульский», – ответил Даныбай.

«У вас не называли улицы именем Ленина?»

«Кто это такой?»

Саблины «переглянулись».

«Интересная у вас история. А в Советском Союзе при социализме жили?»

«Жили».

Данияр удивленно хмыкнул.

«Ленин у нас был лидер мирового пролетариата, как его называли, который провозгласил идею коммунизма...»

«Не он первый», – перебил Данияра Данимир.

«Не он, но сути это не меняет, у нас начали строить социализм, потом коммунизм, а в результате построили дикий бандитский капитализм. После чего началась эпоха чёрного терроризма. А у вас какая общественная формация?»

«Вообще-то я не сильно в этом разбираюсь, сейчас живём как живётся, у нас, в Белроси, по-моему, работает система частно-государственного предпринимательства. Все всё продают и покупают».

«У нас тоже все всё продают... даже государственные секреты».

«Не терроризируй «братика», – сказал Данимир, – потом поговорим на эту тему».

Внедорожник свернул с хорошего шестиполосного шоссе на синюю ленту боковой дороги и через несколько минут подъехал к посёлку из десяти-двенадцати коттеджей, окружённых сосновым лесом. Коттеджи практически не отличались от тех, какие окружали Москву в числом мире Данияра, разве что выглядели повычурней и покрякливей, копируя неведомые замки и храмы. И ещё одна особенность отличала их от вилл Подмосковья-2 – прозрачные заборы, не то стеклянные, не то пластиковые.

Машина остановилась возле одного из строений, выкрашенного в лимонно-жёлтый цвет. У строения было два этажа и три зубчатые башенки на крыше.

«Съёмная усадьба?» – спросил Данимир.

«Почему съёмная? – ответил Даныбай. – Собственная. Прошич хорошо зарабатывает, купил участок, построил хорезм».

«Что построил?»

«Ну, этот дом».

«У нас загородные постройки называют виллами или коттеджами».

«У нас хорезмы».

«А эта роскошь кому принадлежит?» – заметил Данияр аляповато раскрашенное трёхэтажное здание.

«Прелюбики живут».

«Кто?!»

«Однополые... трое... у вас разве нет?»

«Есть, но мы называем их голубыми».

«Педерестами мы их называем! – грубо добавил Данимир. – Ты сказал, их трое?»

«Ну, да, иногда живут целыми прайдами, да ещё детей таких же выращивают от суррогатных рожадок».

«Судя по тону, ты их не любишь».

«Зато их в верхах любят, в Думадельне у них целое прелюбное лобби, человек сто, плюс половина министров».

«Да-а-а! – протянул Данияр. – Весело живёте».

Даныбай остановился перед створкой дымчато-прозрачных ворот, посигналил фарами. Створка отошла в сторону, внедорожник заехал на территорию хорезма.

Водитель вышел, с крыльца к нему сбежал молодой человек приятной наружности, с модно небритыми щеками, излишне полный, но симпатичный, и Саблины принялись разглядывать Прохора-44, отмечая его схожесть и отличия от Прохоров – второго и одиннадцатого.

Данияру он показался ниже ростом и шире, хотя и не в плечах, вообще – в теле, Данимир заметил ранние залысины, пузечко, оттопыренные уши, но это, несомненно, был «родственник» всех Прохоров Смирновых.

Одет он был в серые кожаные штаны с пузырями на коленях и такую же серую кожаную с виду безрукавку на голое тело. Впоследствии оказалось, что материал штанов и безрукавки никакого отношения к коже не имел.

Друзья обнялись.

– Ты какой-то серьёзный, – испытующе заметил Прохор.

– Будешь тут серьёзным, – скупое отозвался Даныбай.

– Что-то случилось?

– Пойдём присядем, глотнём чего-нибудь алкогольного.

– Ты же не пьёшь.

– Сегодня сделаю исключение.

Приятель поднялся в дом, изнутри выглядевший проще, чем снаружи. По-видимому, Прохору-44 не был присущ дух показной роскоши.

Сели в столовой, в уголке, отгороженном от остального помещения настоящими пальмами, росшими прямо из пола.

Четырёхрукий, на гусеничном ходу, механизм, напоминающий повзрослевшего джепонского покемона, прикатил столик с напитками. Прохор лично сходил в бар и принёс пузатую бутылку с густой коричневой жидкостью, на этикетке которой было выдавлено золотом: «Chekiila». Открыл бутылку, налил в стаканчики жидкости, которая на воздухе вдруг стала практически прозрачной.

Приятель чокнулись, выпили.

– Что случилось? – повторил вопрос Прохор.

«Давай я буду говорить», – предложил Данимир.

– Я сам, – вслух ответил Даныбай севшим голосом; напиток оказался многоградусным.

– Что сам? – не понял Прохор.

– В общем, такое дело... – Даныбай налил себе в стакан белой пенящейся жидкости из графина. – Я не один...

– В каком смысле?

– Со мной мои... родственники...

Прохор отставил стакашек, наморщил лоб, изучая лицо приятеля.

– Ты говоришь загадками.

Данимир взял сознание «брата» под контроль.

– Слушай и запоминай, поверить в это трудно, однако необходимо, Охотники могут добраться и до тебя.

– Что за охотники?

– Слушай. – Устами Даныбая Данимир поведал Прохору Смирнецу историю открытия Числовселенной и какую роль в ней играют его родичи. – Внимательно слушал?

Прохор, сидевший с задумчивым видом, во время лекции не задавший ни одного вопроса, только вскидывающий на приятеля взгляд, полный сомнений, покачал головой.

– Бредятина.

Данимир-Даныбай усмехнулся.

– Примерно так же реагировали все мы.

«Может, продемонстрируем ему формотранс?» – спросил Данияр.

«Без эргиона?»

«Нас двое... да и, по словам ДД, наша энергетика в последующих превалитетах мощнее. Можно попробовать колдануть без модуля».

«Пока не будем».

– Странно всё это, – сказал Прохор, берясь за стакан с жёлтым напитком, бросая в него кубики льда. – Сон я видел... давно... тебе серого плаща не хватает.

– При чём тут плащ?

- Да это я к слову... значит, тебя сейчас... трое?
- Тело одно, носителей трое.
- Растроение личности.
- Ты не поверил.
- Почему... всё логично... и одновременно зыбко... чем можешь доказать?
- Мы тебя научим ходить по числомирам, хотя для этого нужно будет сделать эргион.
- Что?
- Модуль перехода, кластер многогранников один в другом, от четырёх до десятка. Я нарисую чертёжик.
- Не, не надо.
- Почему?
- Не собираюсь я шастать по каким-то там числомирам, своих дел полно.
- Там же люди гибнут...
- Это ещё вилами по воде писано.
- Мы дадим развёрнутую информацию.
- Сказал же – не надо, обойдусь.
- «Упёртый, паразит, – с сожалением сказал Данияр. – Не поверил. Уходить надо».
- «Прости, Дан, – отпустил волю Саблина-44 Данимир, – пришлось понасиловать, больше не буду. Мы уходим, но вернёмся обязательно, попробуем уговорить твоего друга, у нас просто нет другого выхода».
- «Я тоже... сомневаюсь».
- «Тебе сам бог велел сомневаться. Мы получше подготовимся и покажем кое-какие фокусы, только просьба никому о нашем визите не говорить, агенты Владык сидят во всех числомирах, и как только вы проявите активность, вам несдобровать».
- «Не пугайте, мы тоже кое-что можем».
- «До связи». Данимир подхватил Данияра, и через недолгое время полёта сквозь череду числомембран они выбрались в тело Саблина-11.
- «Странный мир, – сказал Данияр. – Ты не находишь? В нём уживаются несовместимые вещи. Спецназовцы – философы, обличающие социум... и президент, тайно встречающийся с главой наркокартеля... депутаты-торговцы и математики на вольных хлебах...»
- «Значит, усиление сакральных свойств цифр при их складывании происходит нелинейно. Одна четвёрка даёт один результат, две – уже другой».
- «Интересно, а как живут люди в мире 444? Или вообще в превалитетах, порождённых множеством четвёрок?»
- «Там бывал, наверно, один ДД. Жизни не хватит, чтобы обойти все миры Числовселенной. Что предлагаешь делать?»
- «Надо подумать, как заинтересовать нашего сорок четвёртого Прохора. Он парень ничего себе, сильный, это заметно, но очень свободолюбивый».
- «А если не заинтересуем?»
- «Будем искать дальше, пойдём к двести двадцать второму «братцу», навестим других, а там посмотрим».
- «Мне нравится это твоё «там посмотрим», – хмыкнул Данимир. – Заходи».
- И Данияр отправился домой.

Светлый ум блондинки

Волков приехал на следующий день после похода Данияра к «брату во числе» из сорок четвёртого превалитета. Он привёз пожилого хмуроватого мужичка по имени Пётр Фомич, который оказался архитектором из Новосибирска. На его счету было более полусотни реализованных проектов комплексов зданий научных городков. Ему пошёл уже семидесятый год, но выглядел Пётр Фомич помоложе, да и вёл себя далеко не как старик. Будучи профессиональным инженером-геометром – он оканчивал Новосибирский политех, Пётр Фомич очень быстро разобрался с проблемой, спокойно перенёс известие о числопереходах и формонавтике, с интересом познакомился с эргионом и его воздействием на предметы (Данияр решил ничего от него не скрывать, веря слову Волкова, что Фомич – «могила») и с ещё большим интересом начал изучать меркабу. К концу дня он составил список необходимых материалов для ремонта повреждённых и поломанных деталей синхронизатора формоалгоритмических структур Вселенной.

В обед девятнадцатого июня Саблин созвал на совещание всех своих соратников и помощников, которых насчитывалось теперь шестеро, включая и Валерию.

Собрались в его домике, заполнив всю небольшую гостиную, где, по сути, и обитали Саблин и Лера, в то время как спальню занимали «спящие» – Прохор и Устя.

Данияр рассказал об идее найти «родича» Прохора, который согласился бы нырнуть в Бездны на поиски пропавших, и предложил высказывать идеи, что делать дальше. Сообщил он и об отказе Прохора-44 присоединиться к формонавтам.

– Как его заставишь, если он не хочет? – проворчал Ёсипыч.

– Его и заинтересовать-то по-настоящему нечем, – добавил Царь Салтан.

– Вы обещали научить нас летать по этим вашим превалитетам, – напомнил Волков.

– Обязательно научу, – пообещал Данияр. – Можем начать учёбу с завтрашнего утра.

Я спрашиваю, есть ли у вас мысли по поводу, как и где искать пропавших?

Сидели молча, думали, поглядывая друг на друга.

А решение нашла Валерия.

– Проще всего заставить мужика что-либо сделать можно через женщину, – просто-душно заявила она после общего молчания.

– Интересное замечание, – осторожно сказал Волков. – Поподробнее, пожалуйста.

– Надо найти жену Прохора-44 и побеседовать с ней. Если он её любит – сделает всё, что она попросит.

По комнате прошелестел шумок, молодые ребята обменялись тихими репликами, «клячи» Волкова начали скептически переглядываться, он улыбнулся.

– Любовь как способ вербовки известен давно. Примеров хоть отбавляй. Но, во-первых, мы не знаем, любит ли ваш Прохор свою жену. Во-вторых, согласится ли она сама помочь?

– У меня только смутные надежды на этот счёт, – признался Саблин. – В голове Прохора изредка всплывало нечто вроде сожаления, когда он вспоминал жену, однако означать это может и простое неудовольствие. Знакомых девиц у него пруд пруди. Что касается вопроса, захочет ли она помочь нам, – тут никто гарантий дать не может. Однако почему бы не попробовать?

– Каким образом вы собираетесь сделать это?

– Найду своего «брата во числе»... в сорок четвёртом числомире... он знает жену Прохора.

– И что дальше? Если мы начнём всем объяснять, чего хотим, нас в конце концов засекут ищейки Владык. По моим данным, кое-кто в спецслужбах уже интересовался делом мэра

Вологды. Стрельба с падением вертолѐта стала достоянием общественности, полиция там всё перерыла, мэр едва отговорился. Скорее всего это означает, что Охотники начали поиск.

– Киллеры потеряли меркабу, – кивнул Саблин. – А это колоссальный инструмент для воздействия на числомиры и ещё более мощное оружие.

– Тем более Владыки бросят все силы на её поиски.

– Я могу пойти с тобой, – сказала Валерия. – Ты переговоришь со своим сорок четвёртым «братом», он вместе с тобой найдёт жену Прохора-44, и я переселюсь к ней, объясню ситуацию.

Взгляды мужчин переместились с её лица на лицо Саблина.

– В конце концов, чем мы рискуем? – сказал он после минутного молчания. – Ничего вслух говорить не придётся, в случае неудачи мы сотрём в памяти жены воспоминания о встрече, а в случае удачи получим шанс привлечь сорок четвёртого на свою сторону. Ещё идеи есть?

Собравшиеся снова задумались, и Данияр порадовался за себя: все эти люди умели работать в экстремальных условиях и были надёжны на сто процентов. Коли они брались за дела, то доводили их до конца.

– Я вас понял, господа офицеры, начнём с того, что есть. Сергей Николаевич, за вами и вашими спецками контроль ремонта меркабы и мониторинг всех прибывающих на базу туристов. Парни, ваша задача – спящие плюс контроль прилегающей к дому территории. Сбегаю к «родичу», и сразу же начнём тренироваться.

– А если у нас не получится с формотрансом? – спросил Валентин.

– Тоже не беда, меньше риска вляпаться в ловушку. Однако если моя жена смогла научиться...

– Блондинка, – засмеялась Валерия.

– То и вы сможете, – закончил Данияр.

Готовились к походу полдня. Главное было – уход за телами «спящих», чтобы в них не начали образовываться пролежни и происходить какие-нибудь физиологические изменения. Пока что всё шло хорошо: тело Прохора «не жаловалось» на долгое ничегонеделание, у него лишь слегка затекали руки и ноги, от чего Саблину приходилось их разминать. Тело Усти вообще находилось в идеальном состоянии. Сказывались её спортивная подготовка, врождённая гибкость и малый вес.

Данияр договорился с Валентином, чтобы тот заглядывал к ним почаще, лёг рядом с женой на диванчик, натянув спортивный костюм. Валерия пользовалась точно таким же трико.

– Не боишься?

– Разве что самую малость, – прошептала она.

– Всё будет хорошо! Пошли сначала к одиннадцатому, возьмём его с собой. Входи в транс, я тебя подберу.

Лера послушно закрыла глаза, накрыв ладонями лежащий на животе эргион. Вскоре дыхание её успокоилось, лицо разгладилось.

Саблин нырнул в её сознание, подхватил «душу» жены, и они упали в колодец «неподвижной тишины», который вёл формонавтов в глубины Числовселенной.

Саблин-11 отсутствовал. То есть тело его находилось на диване в какой-то большой комнате, заставленной шкафами с книгами, а сознание и воля, определяющие личность, не отзывались на «стук» гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.